

ЧАСТНЫЙ ВИЗИТ В ПАРИЖ

ТАТЬЯНА ГАРМАШ-РОФФЕ

Частный детектив Алексей Кисанов

Татьяна Гармаш-Роффе

Частный визит в Париж

«ЭКСМО»

Гармаш-Роффе Т. В.

Частный визит в Париж / Т. В. Гармаш-Роффе — «Эксмо»,
— (Частный детектив Алексей Кисанов)

Ранее роман «Частный визит в Париж» выходил под названием «Место смерти изменить нельзя» Победитель Каннского фестиваля, знаменитый русский режиссер Максим Дорин вдруг с удивлением узнает, что не менее знаменитый французский актер Арно Дор приходится ему дядей. Максим летит в Париж, чтобы встретиться со своим легендарным родственником. Поговорив на съемочной площадке нового фильма всего полчаса, они расстаются до вечера. Однако Арно загадочным образом исчезает. А вокруг Максима неотвратимо сжимается кольцо самого настоящего кошмара: череда покушений, «розыгрыши» по телефону, ночные визиты... Слишком мало улик и слишком много тайн в этом деле, распутать которое берется частный детектив Реми Деллье.

© Гармаш-Роффе Т. В.

© Эксмо

Содержание

* * *	5
Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	26
Глава 5	38
Глава 6	47
Глава 7	54
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Татьяна Гармаш-Роффе Частный визит в Париж

* * *

– ...Реми, уже шесть. По делу Арно Дора все собрались. Я их запускаю? – прозвучал голос секретарши в селекторе.

Реми Деллье с трудом оторвал взгляд от окна, служившего ему рамой для портрета Ксюши¹ Московская поездка, так круто перевернувшая его судьбу и его душу, казалась сном. Счастье, что это не сон...

– Пусть заходят, – ответил он селектору. «...Это не сон, это – счастье», – еще успел подумать он, как дверь его кабинета распахнулась.

Они вошли все вместе и остановились у порога.

– Проходите. – Реми встал и протянул руку.

– Пьер Мишле, – ответил на рукопожатие высокий худой мужчина лет сорока восьми в дорогом костюме.

«Зять, значит, – крупный финансист и любитель антиквариата», – подумал Реми.

– Моя жена Соня, – сказал Пьер, и хрупкое, изящное создание с темными выразительными глазами томно протянуло ему узкую ладошку, которую Реми взял осторожно и невесомо. «Манерна, но очаровательна», – определил Реми.

Вслед за ней небрежно подержал его руку забавный круглолицый человечек за пятьдесят в свитере и мятых брюках:

– Вадим Арсен.

«Ага, знаменитый режиссер, – приклеил очередной ярлычок детектив. Он не числил себя в поклонниках его творчества, но и без его поклонения Вадим Арсен имел прочную славу одного из ведущих режиссеров французского кино. – А последний, стало быть, русский. Тоже, кажется, знаменитость». О фильмах русского он ничего сказать не мог: он их просто не видел.

Последний – статный, красивый мужчина с нахальными пушистыми усами и не менее нахальными зеленоватыми глазами – не замедлил энергично и коротко тряхнуть его руку:

– Максим Дорин.

Реми подождал, пока посетители рассаживались вокруг стола. В кресла сели Соня и ее муж: она была печальна, он – серьезен и сосредоточен, с сухим и строгим выражением лица. На софе устроились два режиссера – Реми уже привык к знаменитостям и не чувствовал трепета перед людьми искусства, который охватывал его при его первых делах в этой среде. Обе знаменитости были заняты собственными мыслями; лицо Вадима выражало крайнюю степень озабоченности и удрученности, а русский... Нет, пожалуй, только русский с любопытством разглядывал бюро детектива.

– Надо понимать, что вы его не нашли? – произнес Реми.

– Мы обзвонили, как вы посоветовали, все возможные телефоны, – ответил Пьер. – Господин Арно Дора нигде нет, никто его не видел.

– Я не ошибусь, если скажу, что Арно Дор – мастер розыгрышей?

– Не ошибетесь, – удрученно вздохнул Вадим.

– Бывало такое, что он исчезал на период запоя?

– Папа всегда прячется от меня в таких случаях... – тихо проговорила Соня.

¹ См. роман Гармаш-Роффе «Шантаж от Версаче».

– Ну что ж, рассказывайте. По порядку и подробно. Сегодня у нас понедельник, последний раз его видели, как я понял из нашего телефонного разговора, в субботу? Вы, господин Арсен, снимали сцену вашего нового фильма на натуре, и Арно Дор был занят в этой сцене... Что было до съемок?

– Перед съемками я заехал в аэропорт – встретить Максима...

– С этого и начнем. Прошу вас.

Глава 1

...Казалось бы, что такого? Ну, заехать в аэропорт, ну, встретить русского, и потом – прямоком на съемки... Но необходимость этого заезда раздражала Вадима. Сбивала с творческого настроения, с нужного ритма сбивала. Некстати этот русский, черт бы его побрал, – и нужно было ему прилетать именно в эту субботу, когда Вадиму снимать одну из важнейших сцен фильма!

Шоссе было относительно свободно, электронные табло извещали, что пробок впереди нет. День сиял, омытый трехнедельными дождями, машины мчались, гоня солнечные блики по скоростной автотрассе. Париж открывался справа в легкой розоватой дымке, увенчанный парящим над городом белым собором Сакре Кёр на Монмартре.

Вадим давно ждал – три дождливые недели ждал! – такого дня для съемок на натуре: с низким осенним солнцем, желтоватым и неярким, как старая жемчужина, и с синеющим леском в дымке раннего тумана... Натюру он нашел великолепную. Недостроенный, брошенный и уже развалившийся дом, бог знает кем и за какой надобностью возведенный у кромки леса. Сегодняшняя сцена должна была задать интонацию всему фильму, его графику, стиль, ритм – все! Это был, если хотите, камертон, ключ ко всему фильму! И теперь – этот русский.

Впрочем, винить некого. Сам вызвался. Когда из Ассоциации кинематографистов хотели послать представителя, заказать отель и обеспечить прочий сервис и почет, причитающийся лауреату Каннского фестиваля (они там уже лапки потирали в предвкушении пары-тройки рекламных мероприятий с участием Максима), они с Арно в один голос завопили: «Сами встретим! Это частная поездка, это родственник визит, общественности на растерзание не отдадим!» А Арно добавил: «Никаких гостиниц, мой племянник будет жить у меня».

«Племянник. Скажите на милость! Пятая вода на киселе, и слова-то не сыщешь, чтобы определить степень их родства. Впрочем, Максим обещал привезти генеалогическое древо. Теперь вроде бы в России можно добраться до архивов, разобраться, что к чему. Тогда и посмотрим, племянник он или кто».

Досадно, что Арно не мог поехать с Вадимом в аэропорт – ему гримироваться, одеваться. Досадно. Арно бы переключил русского на себя – он обладал даром быть центром в любом обществе, общаться непринужденно со всеми и «одомашнивать», по его собственному выражению, самых чужих и чопорных гостей. Теперь вот Вадиму одному... О чем-то болтать, развлекать, спрашивать, как дела. И везти к себе на съемки – вот что хуже всего.

Он вдруг понял, что стал бояться присутствия Максима на съемочной площадке, вот так сразу, с самолета. Хотя в Каннах они расстались близкими друзьями, Вадим приглашал к себе русского на съемки, но с тех пор прошло уже больше года, и теперь Вадим ощущал, что это чужеродное присутствие будет стеснять, будет мешать – мешать в тот день, когда снимается важнейшая сцена!

Чуть было не пропустив поворот на аэропорт Шарль де Голль, Вадим взглянул на часы. Самолет должен как раз сейчас приземлиться...

«Хитришь, с кем хитришь! С собой? – подумал он вдруг. – Ни русский, ни аэропорт тут ни при чем. Просто боишься не сделать фильм. Боишься, что выдохся».

Поставив машину в паркинге аэропорта, Вадим встал у беспрестанно открывающихся и закрывающихся дверей, заглядывая в их мигающий просвет, из которого возникали пассажиры Аэрофлота. Вокруг слышалась мягкая, певучая русская речь, и это было необычно и занятно, будто он оказался за границей. Встречались разлученные родители и дети, супруги и любовники, обнимались, плакали и смеялись – мир людей, живущих не в своей стране, мир виз, таможенных контролей, расставаний, телефонных звонков. Вадим поддался общему чувству волнения и радости, тревоги и ожидания – это будоражило, давало даже прилив сил, как бывает, когда сталкиваешься с теми, кто живет простыми и наиважнейшими ценностями...

«Что же, старею? – вернулся к своим мыслям Вадим. – Комплекс возраста? – Двери открылись, выплунув очередную порцию усталых и помятых людей в руки счастливых встречающих. – Нет, нечего на себя страху нагонять. Возраст дает понимание. Меняется как бы сама структура знания: вечные истины становятся понятнее и дороже, но в них начинаешь различать столько нюансов, что боишься не вместить все в фильм. – Двери закрылись. – И в то же время боишься вместить слишком, чересчур много, боишься избыточности... – Двери открылись, и ему показалось, что в глубине коридора мелькнула высокая фигура Максима. – Необходима мера, и эту меру я должен найти, почувствовать сегодня. Все будет хорошо. Арно в отличной форме и...» – И он уже улыбался Максиму.

– ...Мы едем прямо на съемки, так получилось, снимаем сегодня...

– Погода?

– Погода.

– Дядя у тебя занят сегодня?

– Конечно. Но даю тебе две минуты на родственные поцелуи, и все. Встретишься с ним вечером, наговоришься.

Они поднялись на лифте в паркинг и погрузили нетяжелый чемодан Максима в машину.

– Почему вечером?

– Сразу после своей сцены он должен уехать к дочери, у него «родительский день». А потом он вернется – ради тебя, заметь, обычно он ночевать остается у дочери.

Они выбрались из спирали паркинга и выехали на шоссе.

– После съемок я отвезу тебя к Арно, примешь душ, отдохнешь. Я не буду вам мешать сегодня, вам есть о чем поговорить. Только, Максим, предупреждаю: ему нельзя пить. Ни капли. Ты небось водку привез?

– Угу.

– Арно даже не говори! Кстати, ты выяснил вашу степень родства?

– Да. Представь себе, он таки мой дядя. Пятиуродный. Я тебе покажу наше генеалогическое древо, я привез.

– А план сценария привез?

Максим кивнул.

– У нас леса уже облетели, – сказал он, глядя на расписную кромку леса, летевшую вдоль скоростной дороги. – Любопытно, у вас почти нет красного цвета в листьях, только желтая гамма. У нас осенью леса яркие, пурпурные...

Он замолчал, поглядывая на опрятные, ухоженные, полосатые ван-гоговские поля, взбегавшие по холмам. Многие были уже убраны, и желтые круглые рулоны плотно упакованного сена вздымались на оголившейся земле нелепыми гигантскими колесами, будто соскочившими с телеги Гаргантюа, недавно тут проезжавшего. На других полях что-то еще росло, зеленело вовсю, словно не осень стояла на дворе и будто не зима была впереди. Ничего от российской осенней печали, от раскисших дорог, от зябнувших жалких глин с мокрыми бесцветными стогами, от улетающих крикливых стай и уходящего тепла – ничего от прощания с жизнью и предсмертной тоски русской осени...

– Денек как подарок, а?

– То, что мне нужно, – отозвался Вадим.

Он покосился на русского. Веселые серые глаза, всегда с каким-то неуловимым выражением: смешливо-нахальные и простодушно-ласковые одновременно. Рыжеватые усы топорщатся в улыбке. От него веяло энергией и беспечностью. Молодостью... «Ему все как подарок, – думал Вадим. – Склад характера? Или уверенное сознание своего таланта, дающее вкус к жизни?» То, что Вадим утратил... Максим и в фильмах своих такой – камера словно ласкает, лелеет, нежит каждую деталь. И все, до сих пор пустячное и банальное, становится событием искусства: солнечный зайчик, уместившийся в ямочку на нежном женском подбородке; бисер-

ная россыпь капелек пота над налитым, как спелое яблоко, ртом; просвечивающее дорогим фарфором маленькое ушко; блик янтарного чая в тонкостенной фарфоровой чашке... Кадр, напоенный воздухом и светом, вобравший в себя бесконечность пространства и в то же время законченный, как картины мастеров... Он был, несомненно, романтиком, русский режиссер, и его созерцательный и чувственный романтизм самым неожиданным образом сочетался с задиристой полемичностью идей. Его публицистический пафос был Вадиму чужд и совершенно несвойствен как режиссеру; напротив, он высоко ценил в фильмах Максима то, к чему было устремлено его собственное искусство, – красоту. Ни смысл, ни мораль, ни философию – они все умещаются в понятие «красота». Такие вещи либо понимаешь, либо нет...

Поэтому-то они так быстро сблизились в Каннах, где год назад соперничали за «Пальму». Фильмы Максима вызывали в нем восхищение, прилив вдохновения и энтузиазм соперничества. «Я тебя обойду, – грозился Вадим, – увидишь...»

... Тогда, год назад, в Каннах, они сидели в ресторанчике вдвоем, далеко за полночь, сбежав от шумной фестивальной толпы, подальше от суеты Круазетт² от роскоши «Карлтона» и «Мажестика»³ Город задыхался и плавился от жары, и даже ночью плыло и потело все: актрисы в дорогих туалетах, полицейские в тесной униформе, охранявшие их от мощного натиска по-пляжному полуголых поклонников, словно слипшихся от жары в одну необъятную влажную массу, испарявшую запахи моря, пота и дезодорантов. Потела на столе холодная бутылка водки, которую заказал русский и от которой никак было невозможно уклониться. Водка к ужину? Такого с Вадимом еще не было, водка должна употребляться перед едой, на аперитив, рюмочку! За ужином вино пьют, вино! Знает ли русский, сколько здесь водка стоит?..

От жары и от водки уши Вадима сделались ярко-красными.

– Ты профессионал, – говорил он, чокаясь на русский манер уже неведомо которой рюмкой.

– Ты тоже профессионал, – отвечал Максим.

– И актеры у тебя профессионалы. Классные профессионалы, – продолжал Вадим. – Ты правильно делаешь, что работаешь с профессионалами, вы еще это не растеряли. А мы почти растеряли, школы нет, профессионализм не в цене. Мы снимаем «видовое» кино, мы подбираем смазливых девочек на улицах и крутим их мордашки перед камерой, пытаюсь придать хоть сколько-нибудь смысла их пухлым губкам и распутным глазкам... У нас играют не актеры, а камеры! Не так уж много осталось настоящих профессионалов, а новых нет и о старых забываем, – каялся он. – В Японии таким актерам дают звание «Национальное достояние», а мы... И я в том числе... Я тоже виноват, лично виноват... Есть у нас такой актер, старый друг моих родителей, я его с детства знаю и ему обязан своей профессией и даже своим именем: это он предложил назвать меня Вадимом... А как тебе нравится – имя ведь это русское? Он говорил – русское... Ну и вот, запил он. Давно уже запил, много лет назад, и никто его не снимает больше, и я тоже не снимаю, а ведь какой актер! Какой актер, знал бы ты, таких теперь нет...

Максим согласно кивал. Количество выпитой водки никак не отразилось на его лице, только глаза блестели.

– Я, значит, снимаю кино, а он, сокровище национальное, спивается, никому не нужный... Не-хо-ро-шо! – помотал головой Вадим. – Знаешь что? Я его в следующий фильм позову! Это грандиозная идея! Позову, непременно позову, у меня и сценарий есть – прямо для него! А я – я ведь и не подумал о нем. Забыл. Вычеркнул, скотина...

– За мной тоже такие грехи водятся, – вторил ему Максим, – тоже есть актеры, старая гвардия, и мы в долгу перед ними... Но, сказать по правде, – он поднял указательный палец, –

² Набережная в Каннах.

³ Отели на Круазетт, принимающие во время фестивалей киношную элиту.

работать с ними удовольствие относительное, весьма-а относительное: они тебя учат на съемочной площадке, как тебе твой фильм снимать... Не ты ставишь фильм, понимаешь, а они! Молод, говорят, чтобы нас учить...

– Ты увидишь, сам увидишь, что это такое! Если удастся его из запоя вывести, тогда ты увидишь... Да, собственно, ты должен его знать, ты же знаешь наше кино: Арно Доран. Знаешь?

– Что-то не соображу...

– Ну правильно, и не сообразишь. Доран – это его настоящее имя, в кино он был известен как Арно Дор. Он снимался...

– Конечно, знаю, я видел фильмы с ним...

– «Бессловесная осень»?..

– А как же!

– Помнишь его в этой сцене, где его жена...

– Классика.

– То-то и оно, классика... А я ему даже не звоню. Мог бы позвонить, хотя бы как старому другу семьи... Я его обязательно сниму в следующем фильме...

– Правильно, – кивнул Максим. – Хороший актер, с настоящей театральной школой, таких уже и у нас мало осталось... Правильно говоришь, свинья ты.

– Я разве говорил, что я свинья?

– Говорил. Только что.

– Я такого не говорил.

– Ну, скотина. Ты сказал, что ты скотина.

– Скотина – говорил. А свинья – нет.

– А что, есть разница?

Вадим задумался. Максим тоже.

– Повтори-ка мне: ты сказал – Доран? – вдруг проговорил Максим. – Настоящая фамилия Арно Дора – Доран?

– Да, но известен под именем Дор...

– Я знаю... Странно, что я об этом раньше не задумался...

– О чем? – не мог понять Вадим.

– И это он предложил назвать тебя Вадимом?

– Ну да! Что ты так заинтересовался вдруг?

– Почему он предложил назвать тебя русским именем? Это имя редкое в России, нетипичное, почему?

– Станный ты какой-то. Он находит это имя красивым. К тому же у него был какой-то в роду предок, аристократ... Он ведь аристократ у нас, Арно.

– Где?

– Что где?

– О черт, где предок был? Во Франции?

– Нет, в России. Он там на русской принцессе женился или графине, не знаю я... Ты что, знаком с кем-то из этой семьи?

– Кажется...

– Да что ты? Вот Арно будет рад! Он ведь столько времени искал своих русских родственников, но безуспешно... И кто это?

– Вадим!

– Что?

– Ну пошевели мозгами!

– Пошевелил.

– И что?

- Не знаю.
- Напиши мою фамилию по-французски.
- Ты хочешь сказать... – глаза у Вадима сделались круглыми. – Слушай, ты что, хочешь сказать, что... А ведь правда, действительно! Я не сообразил, твою фамилию все произносят «Дорин», а его «Доран»⁴ но это действительно может быть одна и та же фамилия... Вот это да! Что же получается?..
- Получается кое-что интересное...
- То есть ты – его родственник?
- Вполне возможно... У меня тоже был предок француз, в русской транскрипции Дорин, который женился на русской княгине. В 1841 году. Их первый сын уехал во Францию, где женился, другой – по имени Вадим, заметь! – остался в России, тоже женился, у обоих были дети, внуки, правнуки – одни в России, другие во Франции...
- Подожди, не тараторь так! – помотал головой Вадим. – Ничего не понял.
- Два. Сына.
- Два, значит, сына, – напрягал растекающиеся мозги Вадим, – один остался в России, другой вернулся во Францию?
- Да. Была еще дочь, но она вышла замуж за разночинца и стала революционеркой. Умерла в тюрьме и детей после себя не оставила...
- Значит, получилось два сына, – туго усваивал Вадим. – И две семьи: одна в России, другая во Франции... Да?
- Да. – Глаза Максима блестели. – Связи семей разорвались в революцию. Мои бабушка с дедушкой не успели эмигрировать...
- Какая жалость... – прошептал непослушными пьяными губами Вадим.
- Дедушку расстреляли красные, бабушку сослали в Сибирь в начале тридцатых...
- Это ужасно...
- Их сына – моего отца – отдали в детдом, где ему дали фамилию Ковалев. Я тоже вырос под этой фамилией... Мой отец с трудом по крохам восстанавливал правду о нашей семье. Максим разлил по рюмкам остатки потеплевшей водки. Вадим прикрыл свою рукой:
- Все-все, кончай, я больше не могу пить.
- Я взял себе свое настоящее имя как творческий псевдоним, и только два года назад нам разрешили восстановить нашу фамилию...
- Ну точно! Это точно та же самая история, которую Арно мне рассказывал! Твою бабушку звали Наташа, если не ошибаюсь, и... Не помню, как имя твоего дедушки?
- Дмитрий. Дмитрий Ильич и Наталья Алексеевна.
- Арно рассказывал мне... Они не успели эмигрировать. Отец Арно должен был встретить их пароход в Марселе... А встретил только багаж.
- Да, у Натальи Алексеевны начались роды...
- Вот-вот, роды. Ну, все сходится. Я тебя поздравляю! Ты подумай, какое совпадение! Какая история! Уж Арно-то как будет рад! Теперь я понимаю, почему он вас не смог найти – а он пытался неоднократно, через Красный Крест. А отцу твоему, значит, фамилию сменили... Кто же мог такое предположить? – медленно трезвел Вадим. – Кто же мог подумать, что вам фамилию сменили! Арно постоянно твердил: найду наследников! Он даже себя называл Хранителем «русского наследства».
- Наследства? – Максим вальяжно откинулся на спинку стула и вытянул ноги.
- Ты не знаешь? Вот это да! – округлил покрасневшие глаза Вадим. – Впрочем, откуда же тебе знать... Ты не знаешь, мой дорогой, интереснейшую часть вашей истории!
- А ты знаешь?

⁴ По правилам французской фонетики «in» произносится как «а», то есть «а» с носовым «н».

– А вот тут я тебе скажу, что ты не знаешь своего родственника. События личной жизни Арно являются достоянием общественности. Он оповещает о них с такой важностью и подробностью, как будто речь идет о королевской персоне: сегодня мы, Арно Дор, встречались с нашей дочерью, завтра мы, Арно Дор, репетируем сцену такую-то, там-то и с тем-то. Ты увидишь, это актер, он играет свою славу и легендарность с тем же безупречным профессионализмом в жизни, что и на сцене. И надо же, он актер, ты режиссер, и оба – не последние имена в искусстве...

– Гены, – скромно опустил глаза Максим.

– Да уж, ничего не скажешь. Неплохая наследственность в вашей семье. Так вот, к вопросу о наследстве. Отец Арно поехал встречать твоих бабушку и дедушку. Они прибывали на пароходе из Одессы. Но их не оказалось среди пассажиров. Не дождавшись на пристани, отец Арно поднялся к судовому врачу – они должны были ехать в его каюте...

– Да-да, мой дед был главным инженером пароходства, и этот врач был старый друг деда...

– И врач объяснил ему, что у Наташи, Натальи... как ты сказал? Алекс...

– Алексеевны, это не важно, продолжай.

– ...начались роды по дороге на пристань, они были вынуждены повернуть обратно и ехать в больницу...

– Не по дороге на пристань, а прямо на пристани. К городу приближались красные. Царила жуткая паника, люди пытались пролезть на пароход, с билетами и без, капитан был вынужден отказывать. Стояла давка, все наседали друг на друга, женщины плакали, умоляя взять их на переполненное судно, толпа продолжала стекаться на пристань. Дмитрий нес чемоданы, а беременная Наталья держала впереди себя дорожную сумку, охраняя ею живот. Толпа стиснула сумку, Наталья пыталась ее вырвать. Она стала звать мужа, которого уносило все дальше от нее, он что-то кричал ей в ответ. Охваченная паникой, она дернула сумку изо всех сил и упала. Прямо под ноги обезумевших людей. Когда Дмитрий вытащил ее из-под груды тел и чемоданов, у нее уже были родовые схватки...

Вадим внимательно взглянул на Максима.

– Скажи мне, – спросил он, – ты уже видишь кино?

– Догадался? – усмехнулся Максим.

– Нетрудно. Сценарий есть?

– Пока только в голове.

– Будешь делать фильм?

– Есть такая мысль.

– Совместный пойдет?

– Отличная идея, только какой твой интерес?

– У нас любят экзотику... К тому же здесь замешаны французы, русско-французские отношения...

Они расплатились и вышли в душную ночь. Море было беззвучно и черно, отражая лишь огни разукрашенной к фестивалю набережной, которая продолжала жить своей праздной и светской жизнью даже ночью.

– погоди, – остановился вдруг Вадим, – ты сказал, что твоего отца отдали в детдом в начале тридцатых. Так?

– Да.

– Ему должно было быть больше десяти лет! Разве могло случиться, чтобы он забыл свою фамилию?

– Отцу было четыре года, когда бабушку сослали. Тот ребенок, который чуть было не родился на пристани, умер вскоре от тифа...

– Бог мой! Как это все ужасно... Хорошо, что у вас теперь демократия. – Максим усмехнулся. – Мы наконец узнали правду о вашей стране. О вашей великой и страшной стране. Знаешь, многие были абсолютно очарованы Советским Союзом, они всерьез верили, что там строится новое общество... Мой брат вступил в коммунистическую партию! Мы с ним ругались, несколько лет не разговаривали даже... Это было, правда, лет пятнадцать назад, он потом из нее вышел... Это замечательно, что теперь у вас свобода слова.

– Угу, – сдержанно ответил Максим.

– Я ошибаюсь?

– Нет. Просто палка о двух концах.

– Мафия, то-се? Понимаю... Я, собственно, к тому, что вот уже хорошо то, что ты смог восстановить правду о своей семье... Если бы еще о столике раскопать что-нибудь историческое! Это было бы неплохим украшением сценария, – увлеченно продолжал Вадим, стряхивая с себя остатки тяжелой оцепенелости от жары и алкоголя. – Я теперь даже знаю, как Арно из запоя вытащить: теперь у меня есть ты как средство пропаганды здорового образа жизни – не захочет же он, чтобы его долгожданный русский родственник увидел пьяницу...

– Столик?

– Ну да, ты же ничего не знаешь. – Вадим покачал головой. – Вместо твоих родственников отец Арно встретил только столик.

– Отец мне говорил, кто-то ему рассказывал, что его родители погрузили мебель на пароход... Только я не поверил. Какая, к черту, мебель, когда такое творилось!

– Это трудно назвать мебелью. Это маленький туалетный столик великолепной работы, подарок русской императрицы одной из твоих прапрабабушек.

– Вот как?

– Да... Как странно устроена жизнь. Отец Арно хранил его для вас, надеясь, что его русские родственники сумеют вырваться из большевистской России. А теперь сам Арно хранит его для вас, надеясь вас разыскать. И, ты знаешь, его много раз уговаривали продать этот антиквариат – о нем все знают; Арно, как я тебе говорил, всех широко информирует о своих делах, – а он ни в какую. «Вы, дорогуша, подбиваете меня на воровство. Как я могу продать вещь, мне не принадлежащую!» – вот как он сказал, я свидетель... Представляю, как он обрадуется! Ты можешь заехать в Париж хоть на пару дней?

– Нет. У меня съемки, группа ждет.

– Обидно. Ну ничего, мы с тобой созвонимся, споемся, организуем твой приезд. К Рождеству управисься, может?..

Глава 2

Они и созвонились, и списались, Максим заочно познакомился со своим дядей и затеял с ним оживленную переписку, но его приезд удалось организовать только через год с лишним – Вадим болел, Максим разводился, оба заканчивали картины.

И вот наконец русский здесь. Сидит рядом в машине, любит осенним пейзажем.

Почувствовав на себе взгляд, Максим повернулся. Вадим смигнул и отвел глаза. У него была такая привычка – смигивать, Максим это еще в Каннах подметил, и это придавало Вадиму сходство с совой. К тому же у него были круглые зеленовато-серые глаза, нечеткое, как на детском рисунке, пятно рта и округлое мягкое лицо, на котором неожиданно крепко и крючковато сидел нос. Максим слегка улыбнулся в усы.

– Как дядя снимается?

– Он в отличной форме. Когда я предложил ему роль, то поставил условие: выход из запоя. Шантажировал грядущей встречей с тобой. Сам не ожидал: Арно не только согласился, он буквально на следующий день помчался к врачам, лег в больницу. Я его ждал, отодвинул начало съемок. А сам, честно признаюсь, все время боялся – вдруг на съемках сорвется? Вдруг снова запьет? Все насмарку тогда! Тем более что сценарий такой... В некотором смысле из его жизни, из драматических моментов его жизни, точнее. Увидишь, сегодня у меня сцена с девочкой, я тебе говорил о ней, кажется... Они неплохо сработались.

– Актриса?

– Лицеистка... Разница, конечно, есть, Арно ее переигрывает, но в этом есть своя прелесть, оттеняет ее свежесть, непосредственность...

Максим в ответ неопределенно кивнул, выражая вежливое, но неуверенное согласие.

– Ну и как, дядя держится?

– Держится, молодец. Я его страшно уважаю за это. Сам знаешь, сколько разбитых актерских судеб из-за слабоволия...

– У нас как-то все ухитряются и пить, и работать.

– Ну вы, русские, – нация специфическая...

– Должно быть, – усмехнулся Максим. – А что за «драматические моменты его жизни»?

Если не секрет?

– Как-нибудь расскажу... Мы приехали.

Они съехали со скоростной трассы на местное шоссе, вскоре свернули на проселочную дорогу между лесом и полем. Тянувшийся слева лес вдруг отступил, открыв обширную поляну, посередине которой старый разваленный дом торчал, как одинокий сгнивший зуб. «Последний зуб во рту у дряхлого старика», – подумал Максим. Странно было видеть эту потерявшуюся во времени и пространстве развалину, неожиданно возникшую перед ними всего в паре сотен метров от шоссе, отделенного лишь неширокой полоской леса. Эта натура была менее правдоподобна, чем декорация, – казалось, что только изощренная фантазия художника способна создать такое архитектурное чудовище.

Вокруг дома суетились люди, налаживая технику, проверяя приборы, подтягивая провода и кабели, перекрикиваясь и оживляя эту угрюмую сценическую площадку. «Не приведи бог попасть сюда ночью, одному – со страху умрешь на месте, – подумал Максим, – тут бы фильмы ужасов снимать».

Вдруг вспомнился сон, приснившийся в самолете: похороны, бесконечная серая молчаливая процессия – неизвестно чьи похороны, может, даже и собственные? Было чувство горя, страшного и всеобъемлющего, – после такого не живется; был ужас, пробирающий до пальцев ног; а вот отчего все это было и кого хоронили – он не знал или не помнил.

Передернув плечами, Максим заставил себя отключиться от неприятных воспоминаний. Сон и сон, подумаешь! Максим их часто видел, всегда цветные и яркие, всегда неожиданные: и по разным странам путешествовал, и на других планетах бывал, и с богами беседовал – не перескажешь и не опишешь, разве что показать... Поэтому, может, и пошел в кино?..

На импровизированной стоянке стояло несколько студийных и частных машин съемочной группы, погруженных колесами в грязь. Остальные, чистюли, припарковались на обочине шоссе, которое просматривалось за редевшим позади развалины леском. Поколебавшись, Вадим завел свой сверкающий «Рено Сафран» в жирное глинистое месиво, выключил мотор и с опаской выпустил ногу из машины. Максим выбрался с другой стороны и потянулся, оглядываясь.

– Дорогуша, – зарокотал поодаль сочный бас, – дорогуша! Ну вот наконец и свиделись! А? Вот она, рука судьбы!

К Максиму направлялся, раскинув руки для объятий, невысокий плотный человек лет шестидесяти, с седой, но густой волнистой гривой волос. Максим раскрыл руки в ответ. Дядя смачно расцеловал его четыре раза в обе щеки и обернулся к группе.

– Я вам всегда говорил, – провозгласил он, – найдутся мои русские родственники, объедятся в один прекрасный день! И я был прав! История – мудрый судья, она всегда все расставит по местам, рано или поздно, но расставит!

Дядя обнимал, похлопывал и потряхивал, вертя в разные стороны послушного смеющегося Максима. Какие-то люди обступили их, разглядывая Максима с любопытством и улыбаясь от души этой сцене долгожданной встречи. Максим не успевал пожимать чьи-то руки, подставлять щеки для многократных поцелуев и повторять «бонжур».

– Нет, ну вы посмотрите на него! Какой красивый мальчик! Наша порода. Улавливаете фамильное сходство? – гудел бас Арно. – Ну как же, как же, смотрите внимательнее! Повернись, племянник, повернись им в профиль – пусть увидят! Нос, подбородок, что же, у вас глаз нету?

– Вы же в гриме, дядя. И наши с вами носы сравнить никак невозможно, – улыбался Максим.

– Вы? Какое такое «вы»? Ты – племянничек мой нашедшийся, ты – часть нашей семьи, часть нашего рода. И я с тобой буду на «ты». А ты хоть и маленький, но с дядей родным (Максим не смог сдержать улыбки на «родного») будешь тоже на «ты». Но посмотрите только, как он по-французски говорит! Сразу видно, язык Вольтера в крови у этого мальчика! А нос мой, не волнуйся, они хорошо знают. Я, слава богу, сорок лет кино и театру отдал и помещен вместе с моим носом во все учебники и энциклопедии, правда же, голубчики мои? Ну дай мне тебя обнять еще раз! Какое великое событие – наш род воссоединился! Знаете, вы, – он снова повернулся к съемочной группе, – в чем одно из немногих достоинств аристократии? Сам-то я убежденный демократ, дорогуша, – сообщил он Максиму через плечо, – так знаете или нет? Нет, не знаете! А я вам скажу: в том, что для нас род, корни – это святое. Так-то, детки мои.

Ты, голубчик мой, – вновь обратился он к Максиму, – считай, счастливым родился. С самолета прямо на съемки к классику нашему. Это тебе честь особая, немногие удостоиваются права на съемках у Вадима Арсена присутствовать!

Дядя говорил громко, широко улыбаясь Вадиму, обходившему тем временем дозором съемочную площадку. Трудно было понять, он ему льстит или над ним подтрунивает. Вадим нахмурился.

– Да и на дядю своего посмотришь, – продолжал Арно, – не стыдно будет за родственника!

– Арно, грим заканчивать пора! – вмешался Вадим.

– Иду-иду, Вадимчик! Вадим у нас строгий, – громогласно сообщил дядя, увлекая Максима за собой в автобус, где находилась гримерная. – Но мы с тобой еще можем поговорить, пока я буду догримировываться.

– Вечером наговоритесь, – буркнул Вадим, недовольный тем, что Арно отвлекается перед съемками.

– Конечно, вечером, – заверил его Арно, подпихивая Максима в автобус.

В кресле, стараясь не слишком шевелить губами под руками гримерши, он продолжал:

– Уж вечером мы с тобой наговоримся, да. Нам есть о чем, правда? Жизни целые надо друг другу рассказать... Вадим сказал тебе наши планы? Ты будешь жить у меня. Не возражай!

Максим, собственно, и не возражал. Он разглядывал дядю, наслаждаясь его звучным голосом и этим перманентным представлением.

– Возьми ключи, – дядя указал на связку на столе. – Поменьше – от двери подъезда, побольше – от моей квартиры. Вадим тебя отвезет после съемок ко мне – отдохнешь с дороги. А мне надо отлучиться, девочку мою повидать. Но ты не беспокойся, я туда и обратно, быстро. Машину я на обочине шоссе оставил, как Вадимчик мне скажет, что снято, так я сразу и уйду через лесок. Так и быстрее, и съемкам мешать не буду. Вадим у нас немного нервный – когда хорошо идет, страшно не любит прерываться. А уж когда нехорошо идет, то тем более... Так о чем это я? О дочурке моей. Ты дочку мою не видел? Ну да, не видел, конечно. Я тебя непременно познакомлю. Прямо завтра, может, вместе и съездим. Увидишь, она у меня красавица, Сонечка. Ее сколько в кино звали сниматься! И Вадим звал, и другие режиссеры звали. А она не хочет. Хватит, говорит, с меня папиной славы. Слышь, папиной славы! Это она что, какую мою славу имеет в виду? У меня ее много, славы, всякой-разной... Шутница она у меня, Сонечка. А вот муж у нее скучный человек. Богатый и скучный. Финансовый деятель. Антиквариатом тоже занимается. А? Улавливаешь? – Арно посмотрел на отражение Максима в зеркале. – Ну как же нет! Ну, слушай, по секрету скажу тебе (при слове «секрет» у гримерши сделалось чересчур незаинтересованное лицо, на котором глаза, однако ж, расползались от любопытства, как тараканы): Пьер, зять мой то есть, меня все просит, чтобы я ему столик, наследство твое, продал. Не понимает человек, что не продается вещь. Я ему ведь прямо сказал: нет. Не продается вещь! А он все надеется... А теперь, как узнал, что ты приезжаешь, совсем помешался: хочет меня уговорить, пока я тебе столик не отдал. А? Как тебе это нравится? Ну, я еду-то из-за дочки. Она меня просила приехать. Разберись, говорит, папа, с Пьером сам... Не аристократ он, понимаешь. Я, конечно, демократ, это правда, но, согласишься, в крови аристократов есть ген благородства, аристократу не надо объяснять, что достойно, а что недостойно. А другим приходится все объяснять, да еще и по несколько раз... Вот я и еду. У вас как в России относятся к аристократам?

– Нормально, – пожал плечами Максим.

– А у нас – плохо. Не любят французы аристократов. Дети даже стесняются признаться, что их родители происходят из древнего благородного рода... Да-да, именно так! Есть такие, которые меня терпеть не могут из-за моего происхождения. Открыто, конечно, сказать такой примитивной вещи не смеют, поэтому ищут блох – то я пью, то я тип аморальный, а некоторые, представь, додумались говорить, что я выдохся как актер! Слышишь? Выдохся! Ну насмешили. Я-то знаю, что на самом деле мое происхождение им спать мешает... От зависти все это. Наша национальная черта – зависть... А ты сам-то чувствуешь себя аристократом?

Максим снова пожал плечами.

– Да не так чтобы очень... Это как должно чувствоваться?

– Ну как... Благородство.

– Это зависит от происхождения?

– Ты со мной не согласен? – дядя подозрительно посмотрел на отражение Максима в зеркале. – Ты сам дворянин и должен уважать благородное происхождение!

– Я уважаю, дядя. Уважаю хороших людей и не уважаю плохих.

– Демократ, значит. Ну, я тоже демократ. Ты правильно рассуждаешь, сразу видно – благородство у тебя в крови!

Максим усмехнулся дядиным умозаключениям.

– Не буду больше вам...

– Тебе!

– ...тебе мешать, дядя. До вечера?

– Ты жди меня, я к ужину буду!

Максим пообещал ждать. Он удивлялся, до какой степени ему знаком этот актерский тип. Ему всегда казалось, что это чисто русский образец, такой Актер Актерыч, шумный, вальяжный, тщеславный, обаятельный. Живет напоказ, и никогда не знаешь, где кончается актер и где начинается живая личность. Он часто кажется самодовольным, но вдруг проявляет деликатную совесть; кажется глупым, поверхностным, но вдруг обнаруживает незаурядное понимание вещей; кажется мелочным, но вдруг делает великодушный жест... И теперь ему было странно обнаружить такой же тип здесь, во Франции, да еще в лице собственного дяди. Зря Вадим нервничает, что Арно отвлекается перед съемками: все будет в порядке. Потому что самая главная черта этого актерского типа – высококлассный профессионализм. Его ночью разбуди после попойки – он тебе всю сцену без дублей сыграет. Да еще так, что ты сам, режиссер, ахнешь. Ну, в крайнем случае два дубля.

Он вышел из автобуса, взял у кого-то экземпляр сценария, чтобы за оставшиеся минуты пробежать глазами предстоящую сцену, и углубился в чтение. Сюжет, похоже, был тяжеловат, но от диалогов веяло той легкой, изящной ненавязчивостью, которая составляет прелесть и обаяние французского кино. Но все зависело в конечном итоге от того, как будет снимать Вадим, как будут играть актеры...

Максим заметил наконец девочку. На глаз, лет шестнадцати, тонкая и длинная, гибкая, как ивовый прут. Даже перемазанная грязью-гримом, со спутанными светлыми волосами, она была очень хороша, хотя, на вкус Максима, чересчур чувственна для предназначенной ей роли. Он вспомнил, как Вадим каялся в Каннах по поводу «мордашек» – ну что ж, после того, что было выпито, да еще с непривычки, чего не скажешь...

Актеры уже ходили по площадке, уточняя свои действия. Девочка заметно нервничала, Арно был спокоен и уверен, не столько выполняя указания Вадима, сколько предлагая ему нюансы своей роли и ободряя партнершу. Все было так знакомо, так похоже, что на мгновение Максиму показалось, что это он снимает свой фильм, и только по какому-то недоразумению другой человек обсуждает с актерами предстоящую сцену.

Усмехнувшись этому занятому ощущению, Максим достал свою новенькую японскую видеокамеру.

– Запечатлею нетленные мгновения работы великого французского режиссера, студентам в Москве буду показывать, – подмигнул он Вадиму.

Но Вадим уже не слышал его, полностью включенный в работу. У большого пролома в фундаменте дома с левой стороны он попросил девочку лечь на землю – его заинтересовал световой эффект на ее волосах. Волосы засветились нимбом, на лицо ее легла тень, и девочка преобразилась: глаза таинственно засияли из полумрака, чувственный рот очертился усталой и скорбной складкой. «Падший ангел! – подумал Максим. – Вон куда тебя потянуло, мой дорогой Вадим... Это тебе нелегко будет. Тут дорожка к банальностям шелковыми коврами выложена. Ну, посмотрим, посмотрим...»

Начало съемок затягивалось, девочке подправляли грим, оператор что-то доказывал Вадиму, Вадим заглядывал в камеру, спорил и нервничал. Его голос набирал повышенные тона:

ему не терпелось начать работу, нащупать нужную интонацию сцены – потом многое решится само собой, по ходу.

Наконец все было готово, и съемки начались. Для разминки начали с нескольких проходов актеров от дома и к дому, которые будут потом вмонтированы между сценами внутри дома-развалины, снятыми, разумеется, в студии. Все шло хорошо, и Вадим, кажется, успокоился, да и девочка вроде бы пришла в себя...

Максим огляделся. Все были погружены в работу, все взгляды были направлены на съемочную площадку, только одна хорошенькая мордашка косила любопытными глазками в его сторону. Максим узнал гримершу и послал ей обаятельную улыбку, тут же, впрочем, забыв о ее существовании. Ему было интересно наблюдать за Вадимом, за сменой выражений его лица, которое отражало, как зеркало, выражения актерских лиц. «Занятно, – подумал он, – у меня так же меняется лицо, когда я снимаю?»

Наконец началась и основная сцена. Камера застыла на панораме, вбирая в себя осеннюю даль, лиловато-прозрачный лес, пронзенный карамельно-стеклянными лучами низкого октябрьского солнца. Наезд: дом, зияние черного дверного провала. Из сумрака постепенно прочерчивается грязная взъерошенная голова Арно. Крупный план: красные тяжелые веки, бессмысленный взгляд человека в похмелье... Выползает, руки дрожат, всего мутит, никак не сообразит, где он и что он и какой сегодня день. Щурясь на неяркое солнце, он присаживается на камень, подставляя сутулую спину негреющим осенним лучам, силится что-то вспомнить или понять...

Глядя на эти опущенные плечи Арно, на эту свинцовую тяжесть в его теле, на всю его преобразившуюся фигуру, Максим снова подумал, что за такого актера Вадиму не стоит волноваться. Он понимал, что значит для Вадима сегодняшняя съемка: это было начало фильма, его первая и относительно короткая сцена, в которой после тяжелой пьяной ночи выползает на свет божий одинокий клошар⁵ почти старик, и вдруг понимает, что каким-то образом рядом с ним этой ночью оказалась несовершеннолетняя девочка... И с ужасом задает себе вопрос, как и что произошло этой ночью... Немая сцена, в которой участвуют двое и низкое осеннее солнце со старой развалиной домом, почти без слов, вся на внутреннем невысказанном диалоге с самим собой, где мысли и чувства выражаются в походке и в жесте, в глазах и повороте головы – но она была главной. Да, это Максим хорошо понимал – на таких вещах держится весь фильм, в них определяется то, что потом критики называют «режиссерским почерком». И здесь вся тяжесть, вся ответственность за будущий фильм ложилась на плечи Арно.

Но это были надежные плечи. Сцена была сыграна великолепно.

Еще один дубль, опять великолепно.

Максим покосился одним глазом на Вадима – другой его глаз был устремлен в видеокамеру, которая провожала дядю, огибавшего угол дома. Ему показалось, что в лице Вадима мелькнуло сомнение. Такое знакомое ему самому сомнение: не сделать ли еще дубль, мало ли что...

– Если сделаешь еще дубль, встанешь в тупик перед выбором, – шепнул он Вадиму.

Вадим довольно улыбнулся.

– Снято! – крикнул он. – Спасибо, свободен, Арно!

Дядя обернулся, хитро улыбнулся Максиму, махнул рукой и скрылся за развалинами. Неожиданно он опять высунулся из-за угла и сделал вид, что его тошнит, глядя на Максима с жалкой улыбкой пьяного человека, и снова исчез. «Для меня одного сыграл. Все так и есть: что жизнь, что сцена для таких, как он, – все едино...»

Максим вернулся на прежнее место. Девочка уже начала работать. Она выползла из дверей на четвереньках, раскачиваясь как бы от тупой головной боли, и растянулась на грязной

⁵ Бомж

земле возле пролома. Вадим остался недоволен. Сдерживая раздражение, он попросил Май – как оказалось, ее звали этим поэтичным именем, которое, впрочем, на французском языке ничего не означало, – повторить сцену. Май снова выползла, снова растянулась. Опять не так.

Еще раз. Опять не то.

Еще раз. Еще раз.

Все было не так! Не так выползала, не так растягивалась, не так голову поворачивала, не так падал свет из пролома, не давая найденного на репетиции эффекта на ее волосах.

Вадим закипал тихой, истеричной яростью. Его голос сделался странно тонким и каким-то замедленно-слабым, будто замороженным – попытка из последних сил сдержать себя, которая, как знал Максим, ни к чему хорошему привести не могла. Надвигалась катастрофа.

Максиму вдруг пришла в голову мысль, что его присутствие мешает – то ли девочке, то ли Вадиму, то ли сразу обоим. Он как-то почувствовал себя лишним, чересчур посторонним и чужеродным. Он поставил камеру на землю – у этой славной японской штучки были три маленькие ножки для этой цели – и углубился в лесок: пописать. В самом деле он чувствовал себя неловко и даже, пожалуй, понял почему: непрофессионализм этой девчушки был так очевиден, особенно после работы Арно, что Вадим вдобавок ко всему еще и начал комплексовать перед Максимом, памятуя все их разговоры о «мордашках»...

Пописать оказалось делом не таким уж простым: гримерша не отпускала его взглядом, и ему пришлось еще более углубиться в лес, чтобы исчезнуть из ее поля зрения. Забравшись в кусты и запутавшись в паутине, Максим наконец благополучно завершил намеченное, выпростался из паутины и стал неспешно прогуливаться среди деревьев вдоль съемочной площадки, поглядывая на все возрастающую истеричную панику «актрисы», которая что-то кричала Вадиму, глотая слезы. Максим уже не надеялся на благополучное завершение сцены.

Он заскучал. С ветки на ветку перелетала потревоженная птица. Под ногами росли желтые сыроежки. Неправдоподобно большие, с сухими ярко-желтыми шкурками, на которых налипли листики и хвоинки, – картинка из детской книжки. Вдалеке меж деревьями мелькнул дядя, уходящий напрямую через лес к шоссе. Максим почувствовал усталость – сказывался перелет и разница во времени... Как вдруг Вадим вскрикнул, довольный: «Отлично!»

Максим с сомнением подошел поближе и взглянул. «Падший ангел» лежал – в который раз! – в грязи на положенном месте и смотрел в камеру огромными, полными отчаяния глазами, горько сложив потрескавшиеся пухлые губы. Грязная копна перепутанных светлых волос сияла золотым нимбом вокруг ее головы. «Поздравляю, – шепнул он снова Вадиму, – это здорово, я даже не ожидал».

В самом деле, это было хорошо. Что ж, довести актрису до истерики и заставить ее таким способом сыграть нужную сцену – такой метод существовал и в арсенале Максима, и был, честно говоря, не худший из методов...

Меньше чем через час все было закончено.

– Уф, – сказал Вадим, довольный, с победным видом. – Есть хочешь?

– Я еще с самолета сыт.

– Тогда я тебя отвезу прямо к дяде. Он тебе ключ не забыл отдать? А я на студию поеду, хочу сразу все отсмотреть.

Максим понимал его нетерпение. Что же касалось его самого, то он думал с нетерпением о душе и о чае. Крепком душистом чае, который он с собой привез, не слишком надеясь на кофеманов-французов...

Глава 3

Ранние осенние сумерки обволокли шоссе легким белым туманом и сыростью. Они ехали молча, думая каждый о своем. Золотые лучи фар вонзались в туманную плотность, и ее белые бородатые клочья бросались под колеса.

– Так смотри не пей с Арно, – вдруг напомнил ему Вадим.

– Я уже понял, Вадим, мне повторять не надо.

– Извини. – Вадим помолчал и добавил: – Сам понимаешь, если он сорвется... Вот я и боюсь.

– Ты алкоголизм имел в виду, когда сказал мне, что история в некотором роде из личной жизни дяди?

Вадим неопределенно покачал головой.

– И алкоголизм тоже... И не только. Но это долго, так что давай отложим на потом.

В Париже было тепло, светло, шумно и тесно. Величественные дома врывались тупыми носами в перекрестки, как корабли. Красные козырьки кафе простирались над столиками, выплеснувшись, по случаю хорошей погоды, на тротуары вместе с потоками света, вкусными запахами и черно-белыми официантами в длинных фартуках. Максим крутил головой по сторонам, думая, что завтра утром первым делом он отправится гулять по городу.

Они затормозили возле четырехэтажного дома на тихой улочке без рекламы и туристов. Максим открыл одним из ключей входную дверь и чуть было не вошел в зеркало, занимавшее всю стену от пола до потолка и создававшее иллюзию коридора. Вадим снисходительно улыбнулся.

Маленький лифт доставил их на третий этаж, куда выходили две двери. Дядина пахла на них дорогим мужским одеколоном и табаком. Квартира была просторной, по-мужски опрятной и уютной, выдавая отсутствие женщины в доме. Добротная мебель стояла непродуманно и казалась купленной случайно, в разных местах и в разное время. Вадим показал ему комнату для гостей.

– Располагайся, – сказал он. – Чувствуй себя как дома. У тебя все есть, не надо ли чего привезти?

– Не беспокойся.

– Ну хорошо... Арно должен быть скоро. Я, может, заскочу ненадолго, проведаю вас. Но мешать не буду, твой дядя ангажировал тебя на весь вечер целиком.

«Бойся, что Арно пить будет, – подумал Максим. – Проверить хочет, мне не доверяет. Похоже, я в Каннах тогда сильно поддержал мнение о склонности русских к водке!» Он усмехнулся:

– Давай заходи, контролер.

– Да ты что, я так просто!

– Разумеется. Все равно заходи.

Вадим покачал с сомнением головой и ушел.

Максим обошел квартиру. Две спальни – одна дядина, с мебелью из темного дерева и фиолетовым постельным бельем с мордами тигров на наволочках; другая для гостей – светлого дерева и простым бельем в зеленую полоску (спасибо, что не с тиграми!). Двойная гостиная, меньшая часть которой была превращена в библиотеку. Стеллажи с книгами поднимались по левой стене до потолка – все больше старинные переплеты неярких благородных тонов, тускло светившиеся золотым тиснением. Должно быть, достались от родителей. Максим разглядывал названия, вдыхая неповторимый запах старой бумаги...

Столик стоял у окна. Изящный, словно парящий на своих тонких гнутых ножках туалетный столик, инкрустированный разными породами дерева, с изображением двуглавого орла с

коронай в пышном цветочном орнаменте. Наследство. Максим потрогал его гладкую поверхность...

...Дмитрий Ильич давно предчувствовал необходимость покинуть родину. Не хотелось, но угроза чувствовалась в воздухе. Ему не нравились, очень не нравились все эти рабочие волнения, все эти сходки и листовки, эта интеллигентская припадочная любовь к народу. Народ – это бедные, необразованные, грубые и ограниченные люди, а остальные, значит, не народ? Странное представление о народе у российской интеллигенции, исключившей самое себя из этого понятия! Странное и опасное представление...

Он потихоньку готовился. Продав имение под Питером, кое-что из имущества. Наталья была против, плакала, перефразируя «Вишневым сад», – не хочу, чтобы по нашему парку гуляли топоры! – но он сумел настоять.

После октябрьского переворота Дмитрий Ильич решил: все, надо ехать. Но снова отложил отъезд, увлеченный надеждой, что власть большевиков долго не продержится. Началась Гражданская война, интервенция, Дмитрий Ильич чуть было сам не подался в ополчение, но парходство переложить было не на кого...

Когда их бывшее поместье под Питером сожгли, когда не только по их саду, но и по всему их старинному дому гуляли топоры и народ писал и гадил в дорогие вазы, Наталья снова плакала и сжимала его руки: «Ты был прав, ты был прав!.. Как это страшно, что ты оказался прав!..» И он, он тоже с трудом сдерживал слезы...

Максим очнулся и вздохнул. Диалог у него не складывался, слова не находились. Он жалел иногда, что не родился в эпоху немого кино. Бессловесного кино. Максим умел чувствовать и передавать в своих фильмах молчание или бессвязную, бредовую, к себе самому обращенную речь, которая равна молчанию; он умел передавать паузы и позы, он умел вмещать в кадр состояния, настроения и смыслы. Но слова – это был ненужный ему в его работе инструмент. Особенно теперь, когда он задумал коснуться темы, на которую было сказано уже так много слов, что все они стерлись и поблекли. И он никогда бы не подумал приблизиться к теме революции, сталинизма, разбитых режимом судеб и жизней, если бы это напрямую не касалось его семьи. Если бы он не ощущал своего долга перед теми, чьи имена ушли в небытие, словно никогда не существовали; были вычеркнуты безжалостной рукой из метрики его отца и его собственной...

Однако ж без слов не обойтись, их нужно придумать. Причем простые слова, обычные, каждодневные. Оставив за плечами несколько на шумевших фильмов, которые критика называла то авангардом, то заумью – в зависимости от симпатий авторов статей, – Максим почувствовал, что богатство языка кино, как и любого другого языка, лежит в его классическом пласте. Никакой сленг, как бы ни был он оригинален, не способен дать те же выразительные возможности, что обыкновенный классический язык. И ему хотелось теперь говорить простым и доходчивым, классическим киноязыком, ему хотелось показать трагедию, убийственную в своей простоте. И именно эта простота была для Максима непростой задачей. Если в его прежних фильмах люди пили чай, то это было для того, чтобы показать – как это красиво – чай, как это красиво – пьют, как это красиво – в саду. Топазная струя, пронизанная солнцем, бьет в тонкое белое дно чашки... Но теперь ему хотелось не столько любоваться жизнью, сколько жить. И кажется, еще никогда ему не были так нужны хорошие диалоги...

Максим снова вздохнул, похлопал дружески столик по изюзоренной прохладной столешнице и занялся своим чемоданом. Он достал свои подарки – русские сувениры, разумеется, икру, провезенную тайком через таможеню, водку, которую тут же с сожалением убрал, памятуя наказ Вадима. В шкафу нашлось полотенце, и, покидав одежду на кровать, он направился в ванную.

Ночь коротка,
Спят облака, —

доносилось оттуда, перекрывая шум воды, —

И лежит у меня на ладони
Незнакомая ваша рука, па-па-па-па-па...

Кажется, звонил телефон. Максим закрутил краны. Нет, он не ошибся, это действительно звонил телефон. Подойти?

Ага, голос Арно! Должно быть, пришел уже.

– Арно? – позвал Максим. – Дядя, это ты?

Не получив ответа, он снова прислушался. Нет, это был автоответчик: «...Начинайте говорить после бип-сонор...»

Однако звонивший говорить не стал, и по квартире разносились гудки отбоя. «Ну и ладно, – лениво подумал Максим. – Это, наверное, Арно звонят, не мне ведь?»

Но телефон снова настойчиво зазвонил, будто звонивший знал, что кто-то есть в квартире. Едва вытершись, он обмотался полотенцем и всунул мокрые ноги в тапочки. Может, это Вадим или Арно... Максим решил и снял трубку.

– Алло?

– Здравствуйте, – раздался женский голос. – Я говорю с Максимом?

– Да-да, – удивился Максим, – это я.

– Это Соня у телефона. Дочь Арно.

– Да-да, здравствуйте, очень рад.

– Максим, папа вам обещал приехать к ужину, как я понимаю?

– Мы так договорились...

– К сожалению, он не сможет приехать. Мне неловко об этом говорить, но я не буду делать секрета: он выпил лишнего за обедом... Я не могу его отпустить. Он останется ночевать у меня. Сожалею, но вашу родственную встречу придется отложить до завтрашнего дня. Хорошо?

– Разумеется, конечно...

– Рада была с вами познакомиться. Надеюсь, скоро мы сможем встретиться и познакомиться поближе... Всего доброго!

– Я тоже надеюсь... Всего доброго!

Максим растерянно положил трубку. Такого поворота он не ожидал. Значит, дядя не приедет сегодня. И Максим остается в одиночестве на этот вечер... Досадно. И потом, Соня так быстро с ним попрощалась... Она, видимо, не разделяет их взаимного с Арно интереса к истории рода и родне. Особенно, может быть, к родне... Его это задело.

Впрочем, что ему до неведомой Сони? Он никому не собирается навязываться.

Сияние довольного Вадима потускнело, когда он узнал о звонке Сони.

– А если снова запыет? – мрачно вопрошал он. – Позвоню-ка Соне, что там у них происходит, как она могла допустить, чтобы Арно пил? Что же она, не понимает...

– Ты как наседка над цыпленком. Успокойся, подумаешь, выпил! Проспится. Разве ты не видишь, как Арно рад работе? На запой не променяет, не паникуй.

Вадим с сомнением посмотрел на Максима.

– Ты только Соню поставишь в неловкое положение... – пожал плечами Максим. – Она и так, по-моему, смущена... Все равно ведь уже ничего не изменишь.

– Ладно, – вздохнул Вадим, – делать нечего. Подождем до завтра, надеюсь, что... Тогда, слушай, раз у тебя вечер освободился, я тебя приглашаю ужинать. Идет?

Максим хотел спать. Было около полуночи, для человека творческого время детское, но утром он еще находился в Москве, по московскому времени было уже два, и, кроме перелета, за этот день произошло слишком много событий, слишком много впечатлений. Он разморился в глубоком плюшевом кресле дяди.

– Я, признаться, устал... Извини. В другой раз с удовольствием.

– Ну смотри. Ты совсем падаешь? – спросил Вадим.

– Нет... Ничего, – соврал Максим. – А что?

– Тогда давай посмотрим план сценария?

– Хорошая мысль.

– А я пока жене позвоню.

Максим полез за сценарием в чемодан. Вадим заворковал в телефон:

– Слышишь, Максим, Сильви тебя тоже приглашает!

– Я с удовольствием. Завтра... или послезавтра... если вас устроит.

– Ну да, он устал, все-таки самолет и разница во времени... – объяснял жене Вадим.

Максим достал бумаги, разложил, и Вадим погрузился в чтение, изредка задавая вопросы.

...Когда наконец они оба пришли к согласию, что ехать надо, Наталья уже была беременна – на третьем месяце. Они долго обсуждали эту новую ситуацию и снова решили подождать с отъездом. До родов. Что там, во Франции, какие условия их ждут (все нажитое ведь не вывезешь, придется забирать то лъкосамое необходимое), какие врачи – они ничего не знали. А тут – лучший врач города был их ближайшим другом... Решили списаться со своими французскими родственниками, расспросить, как и что, даже, может, попросить помощи: снять к их приезду жилье... Однако на успех надеялись слабо: во Францию письмо еще можно было отправить, были оказии, люди уезжали; а вот получить ответ...

«Ехать! – колотилось в сознании Дмитрия бессонными ночами. – Немедленно ехать!»

«Без истерик!» – строго приказывал он себе при свете дня.

Чем больше округлялся живот у Наташи, тем страшнее было ехать – и тем страшнее было оставаться.

Когда стало ясно, что интервенция не удалась и Белая армия отступает, Дмитрий Ильич понял: теперь или никогда. «Едем», – сказал он Наташе. Наталья Алексеевна была на восьмом месяце...

Телефон нарушил сосредоточенную тишину.

– Сними, – сказал Максим, – это все равно не меня.

Вадим снял трубку.

– Алло... В каком смысле завтра?... – вдруг растерянно переспросил Вадим. – Извините, я не понял... Соня! Это ты? Здравствуй, детка! Я думал, это Сильви... Да, Вадим... Не ожидала? Вот, решил заглянуть. Тебе Максима позвать? Да, я в курсе. Ох, нехорошо это, да чего уж там, теперь поздно говорить... Надеюсь, завтра он будет в порядке... С Максимом? Ну, я думаю, да, погоди, спрошу у него.

Вадим оторвался от трубки:

– Соня нас приглашает на обед завтра. Поедем?

Максим кивнул.

– Да, спасибо за приглашение, – снова уткнулся в трубку Вадим. – В полдень, хорошо. Права? Наверное, погоди, сейчас спрошу.

Вадим снова повернулся к Максиму:

– У тебя есть водительские права, ты водишь?

– Да... А что?

– Есть у него права... А ты не позволяй ему пить! – воззвал он в трубку. – Да, понимаю, конечно, у меня он тоже разрешения не спрашивает. Ладно, завтра вместе будем стоять на страже... Так, до завтра, моя дорогая, рад буду тебя повидать. Ты тоже у нас давно не была... Нет, спасибо, но Сильви завтра с детьми к бабушке едет... Да-да, к двенадцати. Целую тебя.

Он положил трубку.

– Соня рассчитывает на тебя в случае, если Арно завтра опять выпьет... Чтобы ты сел за руль его машины. Ох, не нравится мне это! Ну ничего, завтра я ему пить не дам.

...Его сухая, аристократическая рука гладит прохладные, шелковистые волосы Наташи, наматывая легонько каштановые пряди на пальцы и распрямляя колечки, которые тут же свиваются вновь...

...Ее белая кожа, похудевшее, осунувшееся лицо с очертившимися скулами; легкие, едва заметные веснушки, тревожные карие глаза, прозрачные руки с синими тонкими ручейками вен, торчащий немного кверху живот...

...Тонкий батист, кремовые рукодельные кружева – ее нижнее белье, которое она складывает в громоздкий чемодан при пляшущем свете свечи, рыже путающемся в батисте: электричества давно уж нет...

...Как она поднимает глаза от чемодана, глядя на Дмитрия, который расхаживает по комнате, бросив свой чемодан недосложенным, и, размахивая руками, рассуждает об их жизни в эмиграции, пытаясь убедить жену и самого себя в том, что все будет хорошо... хорошо... хорошо... В ее глазах – снисходительное согласие: она ему не верит, она прячет страх на дне светло-карих глаз, в которых дрожит свеча, она прячет этот страх от него – и от себя... Она говорит ему...

«Хотел бы я знать, что она говорит ему, черт!»

...Наташа в очереди у тюрьмы, чтобы узнать хоть что-то о судьбе мужа, передать передачу... Из тех очередей, что описала Ахматова...

...Наташа в лагере, поседевшая и исхудавшая. Мысли о сыне. Глаза. Бесцветные губы. Корявые, натруженные, старческие руки.

Нет, не могу, я через это не пройду, слишком больно – «по живому».

– ...Что-что? Извини, Вадим, я задумался.

– Я понимаю, что это твоя семья и тебе каждая деталь близка и дорога, но для сценария здесь не хватает интриги, не хватает авантюризма, приключения... Я хочу сказать, что это драматическая история, задевающая сердце русских, но для французов нужно еще что-то, какая-то зацепка, понимаешь? Он слишком серьезен, твой план, в нем воздуха не хватает... Что-нибудь занятное бы найти, какой-то исторический анекдот⁶, изюминку... Как царица столик подарила твоей прабабушке, например. Не знаю, подумай. Воздух нужен...

⁶ Во Франции слово «анекдот» употребляется в том же значении, в каком употреблялось в России в XIX веке: забавный случай из истории, занимательные истории.

– Мне не хватает конкретности того времени. Плоти и крови. Я рассчитываю тут у вас в библиотеках пошарить, мемуары поискать – у нас ведь ничего из белоэмигрантской литературы не печатали... Арно мне советовал одну, «Воспоминания графини З.» называется, но я ее в Москве не нашел. Там, по его словам, очень точно описана эпоха русской эмиграции... А по французской части сценария мне понадобится твоя помощь – у меня пока только самые общие наброски характеров...

– Это я заметил.

– Да?

– А ты думаешь, нет?

– Сдается, мне будет интересно с тобой работать, – усмехнулся Максим.

– Ты почему финал не сделал? – спросил Вадим.

– Потому что у меня нет финала.

– Не усложняй, Максим!

– Да нет, я его просто не нашел. Никак не могу остановиться в этой истории, готов даже наш сегодняшний разговор включить в сценарий, твои съемки с дядей...

– Я тебя понимаю... Знаешь, с той недели сядем вместе. Вечерами... Сейчас фильм у меня должен хорошо пойти, я чувствую, хорошо и без нервотрепки. Для меня эта сцена сегодня была решающей...

– Я это понял.

– Да?

– А ты думаешь, нет?

– Сдается, Максим, что мне будет интересно с тобой работать.

Оба рассмеялись.

Глава 4

Из того, как было все на следующий день, Максим бы сделал кино. Вот так: камера, мотор, поехали!

Тишина и покой аристократического пригорода; неяркое свечение желтеющей листвы, обметавшей узкие улочки; черные чугунные завитки ворот; изуворенная листопадом дорожка, ведущая к старинному белому дому. И замереть на мгновение – пусть втечет в объектив эта величавая, недвижная тишина.

И только потом камера найдет, нащупает, разглядит маленькую тонкую фигурку на крыльце, протянувшую навстречу Вадиму руки: змейка, ящерка в серебристо-сером платье – Соня.

Теперь наезд, вот так, следуя за моим взглядом, приближаясь, поднимаясь по лестнице: серебряный всплеск света на округлости груди; легкий золотистый сумрак между смуглыми ключицами; тонкая точеная шея; круглый упрямый подбородок; капризный изящный рот; губы, сложенные для поцелуя (пока еще не мне, Вадиму!); улыбка, ямочка на левой щеке, два белых влажных зуба, широко расставленных, с детской щелкой посередине. Но – дальше!

Дальше нос, обычный аккуратный носик, но не это главное; вот, вот, теперь! Утони в этих глазах, оператор, как тону и таю я! Цвета темного янтаря, плавно уходящего к вискам разреза, под сенью прямых игольчатых ресниц; нет, так не бывает, я сплю, мы с оператором спим, и видим сон, как художник рисует эту каштановую прядь на смуглом чистом лбу; нет, проснись, оператор, проснись и сними этот царственный и змеиный поворот головы, этот взгляд, яхонтовый, теплый, непроницаемый!

Сейчас и мне достанется поцелуй, как это удачно, что у французов принято все время целоваться, иногда это окунается сторичей; что бы такое сказать, любезное и остроумное? Хочется понравиться, она замужем, муж у нее «скучный и богатый»; вот и он, длинный и с длинным носом, невзрачный, серый, никакой, – богатый? Они втроем о чем-то толкуют, а я еще не придумал, что сказать; надо вырваться из плена этих глаз, но никак. Они меняют цвет, они расширяются и темнеют, они обращаются на меня – эх, держись, Максим! Ее губы что-то произносят, теряя в замедленной съемке улыбку; ее глаза темнеют и остывают, ее лицо, обращенное ко мне, замирает в ожидании ответа, а я стою, кретин бессловесный, вот чертовщина! Эй, стоп! Кино снято!

– Простите, – встрепенулся он, – я не расслышал? Засмотрелся: вы очень удачно вписываетесь в кадр... – сказал он немножко игриво, не зная, подать ли руку или поцеловаться.

Соня, глядя ему в глаза, медленно повторила:

– Где мой папа, Максим?

...Это снова было похоже на кино, но на то, которое он не любил: дурное, путаное, с многозначительными немymi сценами и бессмысленно-нервными восклицаниями. Говорили все одновременно, перебивая друг друга и не понимая ответов.

– В каком смысле? – спрашивал Максим.

– Как это где? – восклицал Вадим.

– Он же с вами? – тревожно не понимала Соня.

– Наоборот, он с вами, – удивлялся Вадим.

– Почему с нами, он с вами!

– Но он же остался у вас!

– Боже мой, у вас, у вас он остался!

– Ты что-то путаешь, Соня, ты позвонила...

– Так, стоп!

Гомон перекрыл Пьер, Сонин муж.

– Войдемте сначала в дом.

Вошли. Разделись. Дом был великолепно элегантен, но было не до того. В гостиной оказались еще двое мужчин и одна дама. Их лица были встревоженно-любопытны – видимо, до них долетели обрывки разговора на крыльце.

– Наши друзья, – бросил Максиму Пьер. Наскоро протянули руки.

– Маргерит, – тряхнула его руку женщина, удивительно похожая на Пьера длинным носом и бледным, без малейших следов косметики, немолодым лицом, обрамленным модной мальчишеской стрижкой.

– Жерар де Вильпре, – представился высокий, чуть полноватый мужчина с кудрявой головой и приятными карими глазами, подавая большую безвольную ладонь, мягко облепившую руку Максима, – мой сын Этьен.

На этот раз некрупная, но крепкая рука легла в руку Максима: изысканно красивый молодой человек, в тонких чертах которого затаилась Азия, бегло улыбнулся ему.

Уселись в кресла.

– У нас недоразумение, – четкой скороговоркой проинформировал своих гостей Пьер. – Не можем разобраться, куда запропастился мой тесть. Так что я вынужден занять общее внимание прояснением этого обстоятельства.

Соня была бледна, ее глаза мгновенно обметали синевато-серые тени, как это часто бывает у смуглых людей. На такую кожу свет во время съемок нужно ставить продуманно, иначе тени могут дать зеленоватый оттенок, который Максим не любил...

– С папой что-то случилось, – тихо сказала Соня.

Пьер обвел всех строгим взглядом.

– Спокойно, – сказал он, – не паникуй, Соня. Сейчас все выяснится. Давайте по порядку. Итак, как я понял, никто не знает, где находится месье Дор? – И он снова оглядел всех по очереди.

– Похоже на то, – ответил ему за всех Вадим.

– Вчера Арно должен был приехать к нам с Соней после съемок. Мы об этом с ним договаривались. Вадим об этом знал – так? Арно вам говорил, куда собирается ехать после съемок?

– Говорил. К вам.

– Мне он тоже так сказал, – подал голос Максим.

Пьер молча посмотрел на него и снова перевел глаза на Вадима.

– Вы обещали отпустить Арно, как только его сцена будет снята, Вадим. Правильно?

Вадим кивнул.

– На съемках все было нормально?

– Да, – пожал плечами Вадим.

– Он ушел сразу после своей сцены?

– Да.

– Значит, он закончил сцену и уехал. Дальше он собирался заскочить ненадолго домой, разгримироваться, принять душ, переодеться.

– Этого я не знаю, – сказал Вадим.

– Он мне отдал свои ключи, – заговорил Максим. – Он не мог поехать домой.

– У него есть еще одни, – строго отозвался Пьер. – И он поехал домой – это логично, не так ли? После съемок актеру нужно разгримироваться и привести себя в порядок.

– Он мог доехать напрямик до вас и принять душ у вас, разве нет?

– Мог. Но он хотел заехать к себе домой. Он нам так сказал. Это его дело, не правда ли, где ему удобнее принимать душ?

– Разумеется, – согласился Максим. – Только нас это никуда не продвигает. Мы не знаем, заезжал он домой или нет. Все, что мы можем сказать с уверенностью, – уходя со съемок, он собирался ехать к вам.

– Вы не знаете? Вадим, может, и не знает. А вот вы, Максим, – вы знаете.

– Почему это?

– Потому что вы, приехав со съемок, нашли его дома пьяным и спящим. Так ведь?

– Я? – Максим обалдел от такого заявления.

– Вы.

– Бред какой-то. С чего вы взяли? Когда я приехал, дяди не было. Я его спокойно ждал, уверенный, что он у вас, а потом позвонила Соня...

– Правильно, Соня вам позвонила потом. Но только уже после вашего звонка.

– Моего звонка?

– Вашего.

– Куда?

– В каком смысле?

– Куда я звонил?

– Нам.

– Я вам звонил?

– Вы нам звонили.

– Я вам не звонил.

– Звонили. Поскольку вам было известно, что мы его ждем. И сказали, что нашли Арно пьяным и спящим в своей квартире и чтобы мы не волновались.

– Вот это да! Я вам повторяю, я вам не звонил. Наоборот, это Соня мне позвонила! Я даже вашего телефона не знаю!

– Телефон вам дал Арно, или вы нашли его у него в записной книжке.

– Да я вам не звонил, повторяю!

– Послушайте, Максим... – Пьер говорил ровно, не повышая голоса, но у него стала подергиваться одна ноздря – нервный тик, должно быть, – что сделало его лицо еще более неприятным и высокомерным. Все остальные переводили глаза поочередно с Максима на Пьера, молча и внимательно следя за их разговором. – Послушайте... Отпираться нет смысла, это уже совсем не похоже на шутку. Даже на дурную. Я, кажется, понимаю, как дело было... Вы приняли участие в розыгрыше. Догадываюсь, по просьбе Арно. Вы его застали дома, но он не был пьян...

– Да нет же, я вам говорю!

– Погодите, не перебивайте меня... Он не был пьян, но попросил вас позвонить сюда и сказать, что он напился и спит и не может к нам приехать, по одной простой причине: он не хотел сюда ехать. Возможно, он хотел избежать разговора, который у нас намечался... Теперь же вы не хотите его выдавать: он вас наверняка об этом просил! Мы все ваши чувства понимаем, но все же хотелось бы знать: где Арно?

– Это сумасшедший дом какой-то! Я его видел последний раз на съемках!

– Максим, Максим, – укоризненно произнес Пьер, – ситуация складывается слишком серьезно, чтобы продолжать розыгрыши... Посмотрите на Соню, посмотрите, как она бледна, она волнуется за отца!

Видимо, под впечатлением от этого патетического восклицания Маргерит встала и, подойдя сзади к креслу Сони, положила руки на плечи и что-то прошептала ей в ухо, утопив длинный нос в Сониных волосах. Соня с плохо скрываемым раздражением повела головой, отстраняясь, и негромко сказала извиняющимся тоном: «Ничего, Маргерит, все в порядке».

– Согласитесь, – продолжал меж тем Пьер, – было бы неуместно продолжать эти, извините за выражение, инфантильные игры! Вы должны нам рассказать, как все было на самом деле.

– Бог мой, а я что делаю? Я вам и рассказываю, как дело было! Вадим, ну скажи же! Мы же с тобой вместе вошли в квартиру!

Взгляды обратились к Вадиму.

– Мы пришли вместе, действительно. Арно там не было.

– Вы его не видели или его там не было?

– Я думаю, что его там не было...

Максим вдруг осознал, что Вадим, как и он сам, испытывает странное ощущение допрашиваемого перед этим сухим и точным финансовым деятелем с дергающейся ноздрей. Подобное ощущение он уже не испытывал давно и даже успел подзабыть, каково оно на вкус, – последний раз это случилось еще в те времена, когда он входил в кабинеты советских начальников советской организации Госкино. Справедливости ради надо было бы отметить, что судьба его хранила: баловень и любимец всех преподавателей и преподавательниц, секретарш и деканш, творческих наставников и наставниц, он со времен института был постоянно опекаем и охраняем от бюрократическо-идеологических невзгод. Старшее поколение мужественно шло на амбразуру начальственного гнева, защищая молодой талант и надежду современного отечественного кино. И все же на долю Максима тоже доставалось, и он хорошо знал эту начальственную породу в лицо и легко узнавал. И хотя Пьер был, несомненно, классом повыше, чем бывшие советские шефы, однако ж роднило их какое-то изнутри идущее убеждение в своем превосходстве над остальными и как бы вытекающее из этого право всеми распоряжаться.

– Я поставлю вопрос по-другому: вы уверены, что Арно не было в квартире? – продолжал давить Вадим Пьер.

Максим потер ухо. Он всегда тер ухо, когда начинал злиться или нервничать. И всегда забывал, что этого не следует делать, так как ухо потом становилось ярко-красным.

– Вообще-то я в его комнату не заходил, – откашлялся Вадим и продолжил неуверенно: – Если он там спал, то я мог его и не видеть...

– Папа обычно храпит, – вдруг произнесла Соня.

– А если он спрятался? – повернулся к ней ее муж. – Если я прав насчет розыгрыша?

Соня не ответила, слегка пожав плечами.

– Да, но я обошел потом всю квартиру, – начал взрываться Максим, – дяди нигде не было! Это точно. И никаких розыгрышей мы не устраивали.

– Вы? – Пьер резко обернулся, словно поймал Максима на слове. – А что *вы* делали?

– Это вы считаете, что *мы* что-то с дядей затеяли, а на самом деле я был в квартире один! Но, Соня, почему вы молчите? Почему вы позволяете вашему мужу сочинять какие-то подозрительные истории с моим участием? Скажите, как было дело!

Сонины глаза плыли в тумане.

– Где мой папа, Максим? – тихо спросила она.

– Послушайте, – окончательно разозлился Максим, – это у вас надо спросить, где ваш папа! Вы мне позвонили и сказали, что ваш папа остается ночевать у вас, потому что он выпил лишнего!

– Соня? – скомандовал Пьер.

Как она может жить с этим инквизитором, интересно?

– Зачем вы лжете? – возмутилась Соня. – Я вам ничего подобного не говорила! Я вообще с вами не разговаривала, я разговаривала с Вадимом!

– Да, – подтвердил Вадим. – Мы с тобой говорили. Но ты ведь звонила Максиму до этого? И сказала, что папа остается у тебя ночевать, что ты его не отпустишь в таком состоянии... Ты ему звонила?

– Нет! Это он мне позвонил! И сказал, что папа не приедет... С ним что-то случилось... Максим, Вадим, где мой папа?

– Не знаю, – качая головой, ответил Вадим. – Не знаю. Я его после съемок не видел. Я был вчера в его квартире дважды и ни разу его не видел там.

– Один из вас лжет, – подытожил Пьер. – Либо моя жена, либо Максим. И, поскольку я доверяю своей жене, я полагаю...

– Подождите, – Максим решил держать себя в руках и не обращать внимания на неприятную манеру Пьера. – Мы крутимся на одном месте. Давайте сделаем так: пусть Соня расскажет, как все было, с ее точки зрения, а я расскажу со своей. Иначе мы не разберемся в этой мистификации.

– Вот вы и начните, – бросил Пьер.

Максим спокойно рассказал все события вчерашнего вечера. Соня смотрела на него пристально, словно взвешивая каждое его слово. Лицо Пьера было непроницаемо-неприязненным, Вадим хлопотливо поддакивал Максиму, заверяя верность рассказа, гости вежливо устранились из обсуждения, но их глаза выдавали любопытство, спрятанное за участием.

Максим закончил. Некоторое время все молчали.

– Скажите-ка... – наконец нарушил молчание Пьер, – допустим, что так все и было... у вас ведь свидетелей нет, что на самом деле был такой звонок? Но допустим. Тогда скажите, вы уверены, что это был голос Сони? Теперь, когда вы ее слышите, вы можете сравнить голоса – это была она?

– Телефон отчасти меняет тембр... Но мне кажется, что это вполне мог быть ваш голос, Соня.

– Да, странная история... – обвел присутствующих глазами Пьер. – Ты ведь не звонила?

– Нет.

– Расскажи теперь ты, как дело было, – руководил ее муж.

Соня задумалась. Как это было? Она подошла к телефону...

– Это Соня? – спросил незнакомый мужской голос с иностранным акцентом.

– Да, это я. С кем я говорю?

– Здравствуйте, Соня, вы говорите с Максимом.

– Максим? Вы Максим из России?

– Он самый, – игриво ответил голос. – Я рад с вами познакомиться.

– Я тоже, – неуверенно произнесла Соня. Она была удивлена этим звонком. – С приездом!.. Как вам нравится во Франции?

– Хорошо. Я вам звоню по причине Арно. Вы, может быть, волнуетесь?

– Конечно! Где он? Что случилось? Он должен уже быть у меня!

– Не надо так волноваться, дорогая Соня, с ним все в порядке, он спит.

– Спит?!

– Спит. Он немножко пьяный. Я пришел, он спит. Он проснулся и попросил меня позвонить вам, чтобы вы не волновались. Он к вам завтра приедет.

– Как же так... – растерялась Соня. – Вас никто не предупредил разве? Ему пить нельзя!

– Не надо меня обвинять, дорогая Соня. Когда я приехал, он уже был пьяный. Я здесь ни при чем.

– Я... Извините, что я... Я подумала...

– Это не страшно, не извиняйтесь. Я за ним послежу, не надо беспокоиться ни о чем. Завтра он к вам приедет.

– Спасибо, Максим... Нехорошо как получилось... Вадим расстроится... Не пускайте папу никуда сегодня, пусть уж спит. Я... могу вас попросить?..

– Все, что угодно.

– Не позволяйте ему больше пить. Пожалуйста, сделайте все, чтобы он больше не выпил ни капли!

– Я все сделаю.

– Скажите ему, когда проснется, что я жду его завтра на обед, к двенадцати. Ладно?

– Конечно. Все будет в порядке. Я ему абсолютно скажу. Он завтра абсолютно придет.

– Спасибо. Извините еще раз и... рада была с вами познакомиться. Надеюсь, что мы скоро встретимся... До свидания, до встречи!

– Я тоже надеюсь на скорую встречу. И всего доброго, Соня!

– Вот так примерно... – Соня умолкла.

– Ну, – сказал Максим, – и вы узнаете мой голос?

– Я не запоминаю голоса. То есть, если бы голос был особенный, я бы запомнила, но это был нормальный голос, вежливый, довольно приятный... Как у вас, Максим.

– А у вас есть свидетели, что я вам звонил? Кто-нибудь присутствовал при разговоре? – атаковал Максим, против воли перенося свое раздражение против Пьера на Соню.

– Вы подозреваете, что моя жена лжет? – ледяным голосом спросил Пьер.

– Ну вы же подозреваете, что я лгу.

– Я вас не знаю.

– А я не знаю вашу жену. Так есть у вас свидетели этого звонка?

– Нет, – ответила Соня, ни на кого не глядя. – Пьера не было дома, он пришел позже.

– Допустим, как выражается наш хозяин, – Максим иронично поклонился в сторону Пьера, – что такой звонок был на самом деле. В котором это было часу?

– Двадцать минут шестого. Я на часы смотрела, потому что папу ждала. Он не обещал точно, все-таки со съемок, мы просто договорились примерно к четверем часам... После половины пятого я начала немного беспокоиться и дважды звонила к нему на квартиру, но телефон не ответил. А потом вы позвонили, двадцать минут шестого.

– А мы когда пришли, Вадим?

Вадим стал загибать пальцы, что-то считая.

– Примерно в то же время, должно быть, – наконец сообщил он. – После пяти. В начале шестого.

– Значит, – повернулся к нему Пьер, – у Максима была возможность позвонить в это время. Ты сразу ушел?

– Сразу, – сокрушенно ответил Вадим.

– Это ничего не доказывает, – возразил Максим. – Если у меня была возможность позвонить, то это еще не значит, что я звонил!

– Не значит, – согласился Пьер, – но и не значит, что вы не звонили. Пока ничего не говорит против этого предположения.

– Так же, как ничего не говорит против предположения, что это звонила Соня.

– Я не звонила, – сказала она твердо.

– Я тоже.

Повисла пауза.

– Я не делаю таких ошибок во французском, – нашелся наконец Максим. – «Абсолютно скажу», «по причине Арно»... Ерунда какая-то.

– Верно, – сказала Соня. – Вы очень хорошо говорите по-французски. – Она легонько улыбнулась Максиму, и он снова ощутил медлительный наплыв крупным планом прямо в черную сердцевину магических медовых глаз... Но вынырнул. – И вот еще что... – добавила Соня. – Акцент... Акцент не такой, как у Максима. У Максима хорошее произношение, акцент совсем легкий. И «р» французское, даже когда он быстро говорит и волнуется. А у того, кто звонил, «р» русское, твердое, раскатистое. Кажется, это был не Максим!

– Так... – сказал Пьер. – Похоже, что у нас есть еще один русский.

– В таком случае у нас есть еще одна Соня, не забудьте, – заметил Максим.

– Знаете, что я вам скажу, – вдруг вмешалась Маргерит, – если бы меня попросили изобразить русский акцент, я бы говорила примерно так же.

– Я как раз об этом же подумал! – вскричал Вадим. – Кто-то *изобразил* русский акцент. Вряд ли мы имеем второго русского. Скорее мы имеем кого-то, кто хотел выдать себя за Максима! Что, собственно, и сделал.

– И за Соню? – подал вдруг голос Жерар.

– И за Соню...

– Я же говорила, с папой что-то случилось, что-то нехорошее! Надо обращаться в полицию, Пьер!

Соня вскочила. Ее била дрожь. Пьер встал, вышел в переднюю, вернулся с большой черной шалью, которой ласково укутал ее, как ребенка. Максим неожиданно поймал два взгляда, два разных и в то же время в чем-то схожих взгляда: один из них, принадлежащий Жерару, проследил за действиями заботливого супруга с угрюмой и бессильной завистью; другой, принадлежащий Этьену, бегло сопроводил взгляд отца и вспыхнул откровенной ревностью. Максим только не понял, была ли это ревность сына или ревность мужчины, но ему сделалось неприятно.

– Конечно, мы позвоним в полицию, дорогая, только сначала нужно разобраться, что мы можем сказать полиции... Сядь, деточка, успокойся, ладно? Сейчас нужно сосредоточиться. Ты успокоилась?

Соня кивнула. Ее трясло.

– Так вот, подумай теперь и ответь мне: это не мог быть голос твоего отца? Твоего отца, который с какой-то целью – мы пока не знаем, с какой – решил нас всех разыграть?

Все с изумлением уставились на Пьера.

– Я не думаю, – Соня покачала головой, – я бы папу узнала. Он бы себя как-то выдал.

– Он бы себя выдал, если бы это была просто шутка. Но если у него была какая-то важная цель...

– Какая?

– Ну, не знаю, допустим, куда-то съездить, с кем-то встретиться, но так, чтобы никто об этом не знал и не препятствовал ему в этом... Он бы приложил все свое мастерство – а мастерства у него немало, не так ли, Вадим? – чтобы его не узнала даже родная дочь! Подумай, можешь ты утверждать, что это был не он? – мягко проговорил Пьер.

– Не знаю... По-моему, это был не папа.

– Соня, я тебя спросил, ты уверена? Ты можешь поручиться, что это был не он?

– Не знаю я, Пьер! Нет, не могу. Поручиться – не могу. Но тогда кто же от моего имени звонил Максиму? Не папа же?

– Что вы скажете, Максим?

– Точно не он. Не с его баритоном подделать такой женский голос.

– Ну, по правде говоря, – вмешался Вадим, – если Арно, как вы говорите, понадобился розыгрыш, то к его услугам весь актерский Париж. И друзья, и просто... – Вадим запнулся.

– Ты хотел сказать – собутыльники, – закончила за него печально Соня. – Скажите, – она устремила на Максима свои влажные тревожные глаза, – вам этот «мой голос» не показался нетрезвым?

– Нет, совсем нет. Я даже больше вам скажу: это был голос женщины, которая знает вас. Ваши интонации были скопированы довольно точно. Если, конечно, это не вы звонили.

Соня шевельнулась протестующе, но Пьер положил ей руку на плечо, успокаивая.

– И вот еще что, – продолжал Максим, – я не думаю, что это дядя вам звонил от моего имени. – Вопросительные взгляды сосредоточились на его лице. – Дядя уже знал, как я говорю

по-французски, мы ведь с ним успели пообщаться перед съемками, и он скопировал бы мой акцент в точности. Это звонил человек, который меня не знает, который изображал некоего русского вообще. А ко мне, напротив, звонил человек, который знает Соню.

– Именно! – воскликнула Маргерит с несколько излишней оживленностью.

– Откуда ты знаешь? – повернулась к ней Соня.

– Я не знаю, – смутилась Маргерит. – Правильно месье Дорин рассуждает, я хотела сказать...

Возникла неловкая пауза. Маргерит убрала повышенную заинтересованность с лица.

– Маргерит любит читать детективы, – вдруг с мягкой улыбкой защитил ее Пьер. – Особенно про мисс Марпл.

– Все это достаточно странно и не продвигает нас ни на шаг! Давайте звонить в полицию, – предложил Вадим.

– Может, Арно предусмотрел наш разговор и нарочно сделал акцент непохожим, чтобы мы не могли ни в чем обвинить Максима? – снова подала голос Маргерит.

– Это чересчур хитроумно, – возразил Вадим.

– Но папы-то нет! Кто звонил, зачем звонил – но папа-то покинул вчера съемки и с тех пор его никто не видел! Куда он мог подеваться, я хочу знать! Куда? Почему он до сих пор не вернулся? И когда он вернется?

– Он должен быть у меня завтра в десять на студии, – вдруг побледнел Вадим. – Если он до завтра не появится?.. Надо звонить в полицию! Пусть объявят розыск.

– Я хочу спросить... – смущенно заговорил Этьен, – мне кажется это странным... Как это получилось, что, когда Соня позвонила и разговаривала с Вадимом, этот розыгрыш не выяснился?

К нему обратились недоуменные взгляды. Вадим округлил совиные глаза. Соня наморщила лоб.

– Действительно, если Соня думала, что Арно дома, – подхватил мысль Максим, – то как она могла пригласить нас с Вадимом на завтра, не упомянув своего отца, и еще и спросить, смогу ли я сесть за руль папиной машины, когда мы поедем от нее?

– Правда, – растерянно переспросила Соня, – как это могло получиться?

– Не знаю... – ответил Вадим. – Ты ничего такого не сказала, из чего я мог бы понять, что ты считаешь, что Арно с нами...

– И ты ничего такого не сказал, чтобы я могла подумать, что ты считаешь, что папа у меня...

– И что же вы все-таки друг другу сказали? – спросил Максим. – Я слышал, как говорил Вадим. Он был явно уверен, что дядя у вас.

– Соня сказала мне, что она в таком случае приглашает нас всех завтра. Раз уж так получилось с папой. Я так понял, что речь идет обо мне и Максиме. Я ведь считал, что Арно у нее. И сказал ей, чтобы она не позволяла папе пить.

– Правильно, я сказала Вадиму: раз уж так получилось, приезжайте завтра к нам все, вместе с русским. Ведь мне уже позвонил «Максим» и сказал, что папа завтра ко мне приедет, это было ясно, я пригласила остальных... Поэтому я и попросила, чтобы Максим в случае чего сел за руль его машины на обратном пути. Я всегда волнуюсь за папу, когда он за рулем...

Все молчали.

– Да, – произнес Жерар, – вот так история.

– Действительно детектив какой-то, – робко улыбнулся его сын, бегло глянув на Маргерит, и тут же согнал неподобающую улыбку с лица.

Снова зависло молчание. Все сидели задумавшись. Вадим барабанил пальцами по столу.

– Надо звонить в полицию, – наконец сказал он.

Ему никто не ответил.

– Почему ты не звонишь, Пьер? – нервно воскликнула Соня. – Давай я позвоню!

– Как вы не понимаете? – Пьер обвел всех глазами. – В полиции нам скажут, что они не будут объявлять розыск совершеннолетнего человека, пропавшего менее двадцати четырех часов назад. К тому же человека, известного своими – извини, Соня, – пьянками, дебошами и другими экстравагантными выходками, в том числе и розыгрышами. Мне это неприятно тебе говорить, моя дорогая, но в отличие от тебя я полагаю, что твой папа куда-то отправился выпивать со старыми друзьями... И это первое, что подумает полиция. Они тоже журналы читают и телевизор смотрят, и, поверь мне, твой папа широко известен не только своими ролями... Они зададут те же вопросы, которые задаю вам я, а когда они узнают, что тебя и Максима разыграли, то поймут, что твой папа обеспечил себе спокойное, без нервотрепки отступление в намеченное место: ты думала, он у Максима, Максим думал, он у тебя, все немножко расстроились, что он выпил, но никто не волновался... Неужели вы полагаете, что полиции больше нечего делать, как искать его по адресам собутыльников? В результате нам предложат подождать, а мы будем иметь еще одну скандальную историю, которая ни ему, ни нам не нужна.

– Вам не нужна, – сухо заметил Вадим. – Для вашей карьеры. А для актеров скандал и слава – почти одно и то же. Вид рекламы, и не худший.

– Ну, нам не нужна, – не стал спорить Пьер. – Важно то, что полиция его искать не станет.

– И что вы предлагаете? – Вадим вскочил и заходил по гостиной. – Что нам теперь делать? Речь идет об исполнителе главной роли в моем фильме! И завтра с утра у меня съемки!

– Вот, я думаю, завтра он и появится. К вашим съемкам.

– Если вы правы, что он нашел своих собутыльников и снова вошел в запой... То он и завтра не появится! Это надолго, – сокрушался Вадим.

– Если бы такое случилось в Москве, я бы тоже на полицию не стал полагаться, – заметил Максим. – А бюро несчастных случаев у вас тут нет?

– Правда, – удивился Вадим, – как мы об этом не подумали!

«Ты, дорогой коллега, конечно, не подумал: для тебя важно не то, что случилось с Арно, а то, что у тебя нет актера, – думал Максим. – А Соня почему не подумала, интересно? Плохо соображает в таком состоянии или что-то знает? И Пьер...»

– В этом тоже нет никакого смысла, – сказал Пьер. – Это же очевидно, что он что-то задумал сам и сам все организовал...

– Лучше проверить, – сказал Вадим.

Пьер пожал плечами и ушел искать нужный номер телефона в справочнике.

– Может, он нас и вправду разыграл? – Соня нервно затянула концы шали.

– Похоже на то, – ответил Максим.

– Да, похоже, – поддержал Жерар.

– Не волнуйтесь так, Соня, скорей всего это действительно розыгрыш, – ласково и немного застенчиво проговорил Этьен, махнув ресницами. Тонкий румянец смущения побежал по его щекам.

«Интересно, они своих друзей на меня пригласили, на русского? – разглядывал гостей Максим. – Да, сорвалось блюдо... Или это завсегда так в доме, вроде членов семьи? Или – один из них «друг дома»?» – Максим мысленно примерил к Соне сначала отца де Вильпре, потом сына. Они были между собой не похожи, вернее, сходство было отдаленным и неуловимым, и эти двое мужчин представляли собой два совершенно различных типа. Но ни один из них как-то не шел Соне, не помещался в образ ее любовника – папаша был слишком розовым, слишком кудрявым и слишком упитанным, а сын по меньшей мере слишком молод... и Максим почему-то испытал чувство облегчения. Пропавшая было власть обаяния Сони начала снова захватывать его, и он залюбовался этой маленькой фигуркой, в которой мальчишеская угловатость неуловимо перетекала в женственность, легкое, бесплотное тело с маленькой, но нахальной грудью источало чувственность. Эта детская щелка между передними зубами и печальное

выражение медовых глаз, осунувшееся личико и торчащие из-под натянутой шали худенькие плечики придавали ей сходство с мальчиком-сироткой... – нет, с актрисой, актрисой-травести, играющей мальчика-сиротку.

– Нет у них никакой информации об Арно, – вернулся в комнату Пьер. – Никаких несчастных случаев не зарегистрировано, в больницы и в... – он покосился на Сою, – ...морги человек с таким именем не поступал.

– Остается надеяться, что он появится, если не сегодня, то завтра, на съемках, – приободрился Вадим.

– А нельзя позвонить тем его друзьям, с которыми он обычно выпивал? – предложил Максим. – Может, мы его найдем таким образом?

– Я нахожу это неприличным, – сказал Пьер. – Я считаю, что он появится завтра на съемках. Нет смысла поднимать панику.

Вадим молчал. Соня вскинула на него глаза:

– Ты мог бы спросить у своих актеров...

– Если он завтра появится... – неуверенно проговорил наконец Вадим, – то действительно: зачем панику поднимать...

Пьер кивнул, выражая одобрение благоразумной позиции.

– Остановимся на этом. Что вам налить, Максим?

Соня промолчала весь обед. Максим, поглядывая изредка на нее, вежливо слушал объяснения про стили и эпохи, особенности лаков, заточки металлов и техники инкрустации дерева, которыми наперебой снабжали его хозяин дома и его гости, – оказалось, что и Жерар и Маргерит тоже коллекционируют антиквариат. Маргерит, как он понял, была вдовой, унаследовавшей от мужа коллекцию трубок, табакерок, пудрениц и еще чего-то, а вместе с коллекцией – и страсть к коллекционированию, которая ей была неведома раньше, пока этим занимался ее муж. Жерар разделял это увлечение, и Максим уже был приглашен «посетить как-нибудь, в один из этих дней» его дом, где его непременно восхитит коллекция картин, подсвечников, оружия... Остальное Максим не запомнил. Этьен, казалось, был равнодушен к данному предмету и вел разговор с Вадимом о кино. Выяснилось, что он учится в актерской школе и что ему двадцать три года, хотя на вид Максим не дал бы ему больше восемнадцати. В одну из небольших пауз, когда на секунду затихли разговоры старших об антиквариате, Этьен застенчиво обратил на Максима свои прелестные черные глаза и признался, что давно является поклонником таланта русского режиссера, видел почти все его фильмы, и сообщил, стесняясь, что он в них находит красоту и смысл, что есть достаточно редкое сочетание в наши дни, и к тому же безупречный вкус, чего уж совсем не бывает... Кроме фильмов Вадима, разумеется, и пары-тройки других имен. Он пустился в расспросы, пользуясь делящейся паузой, об особенностях кинопроизводства в России, о творческих планах Максима, внимательно глядя на него своими глазами, в которых было что-то по-женски сладостно-красивое, но по-мужски самолюбиво-жесткое. Максим был на редкость равнодушен к комплиментам, и лестные слова этого молодого человека вызвали у него скорее неприятный осадок. «Далеко пойдет мальчик, – подумал Максим, – с такими амбициями и с такой внешностью – держу пари! Но я бы его к себе сниматься не взял – это не мой актер, я бы не смог с ним работать. Слишком черны внимательные глаза и слишком внимательны...»

Прощаясь, Пьер вдруг спросил:

– Вы машину Арно не видели? Ее нет возле дома?

– Я не знаю, какая у него машина, – сказал Максим.

– На виду, во всяком случае, ее не было, я бы обратил внимание, – сказал, подумав, Вадим. – А что?

– Если бы она стояла возле дома, то, следовательно, Арно ушел пешком...

– Или взял такси, – сказала Маргерит.

– Полагаю, до завтра все прояснится, – пожимал им руки Пьер. – И, Максим, извините, если что было не так.

– Чего там, – миролюбиво ответил последний. – Если кто-то что-то узнает, немедленно созваниваемся.

– Разумеется, в любое время дня и ночи, – бодро поддержал Пьер, оглядываясь на Соню. Соня ничего не сказала.

...Уже прошел час, как должны были начаться съемки, но Арно так и не появился. Актеры были взбудоражены и раздражены: срывался как минимум график съемок, а значит, срывались личные планы каждого.

Не вдаваясь в подробности вчерашней истории (не стоило подливать масла в огонь рассказами о телефонных мистификациях), Вадиму удалось выяснить, что никто из актеров Арно не видел и не слышал. Все сходились в том, что «национальное достояние», несомненно, сорвалось в запой. В их глазах Вадим читал упрек, что он взял на главную роль пьющего актера, поставив под угрозу весь фильм. Только Май смотрела с участием и преданной готовностью чем-нибудь помочь. Но помочь она ничем не могла, и никто не мог ему помочь – кроме Арно. Вадим с ужасом думал, как он будет объясняться с продюсерами. «Найду – придушу, своими руками придушу!» – злился он. Под угрозой не просто фильм, под угрозой вложенные в него деньги, и за все это на Вадиме лежала по меньшей мере моральная ответственность. Надо разыскать Арно. Немедленно.

Вадим вышел в просторный холл студии. Соня, которая приехала к началу съемок в надежде на появление отца, неотрывно смотрела на входную дверь. Вадим приблизился к ней и дотронулся до ее плеча:

– Я думаю, надо обратиться к частному детективу.

Соня смотрела непонимающе.

– Раз полиция нам ничем помочь не может, нужно обратиться к частному детективу, – повторил он мягко.

Соня молчала.

– Если ты – или Пьер – не хотите, я сам обращусь. У меня пропал актер, имею право. А оплатить, в конце концов, я могу и сам.

Соня потерла виски и наконец оторвала взгляд от двери.

– Ты думаешь, он уже не придет сегодня?

– А ты еще надеешься?

– Нет.

– Так что?

– Конечно. Да, правильно, к частному детективу. Я сейчас поговорю с Пьером.

Вадим провел ее к телефону и оставил одну. Через несколько минут Соня вышла.

– Пьер согласен. У тебя есть справочник?

– Обойдемся без справочника, у меня есть один детектив на примете, некий Реми Деллье. Мой приятель поручал ему свое... одно дело, он отлично провел. Если хочешь, я узнаю его телефон...

– Пожалуйста, Вадим, позвони ему, пусть приедет... Или мы к нему, как он скажет, не знаю... Что-то надо делать, искать папу, с ним что-то плохое, Вадим...

Вадим приобнял Соню и сказал ласково:

– Ну что ты, маленькая, мы же вчера звонили по всем бюро несчастных случаев – с ним ничего плохого не случилось... Не надо так расстраиваться, найдется твой папа, непременно

найдется. И вот когда он найдется, тогда-то он рискует, что с ним что-то случится, потому что я собираюсь его убить, – неловко пошутил он и улыбнулся ободряюще Соне.

– Я не смогу вас принять раньше шести часов, – сказал Реми Деллье. – А до этого попробуйте составить список всех телефонов и адресов тех его приятелей, с которыми он имел обыкновение выпивать... Постарайтесь им позвонить или подъехать, возможно, что к вечеру я вам и вовсе не понадобится, так как месье Дор может найтись по одному из адресов... Если не найдете, жду вас к шести у меня в бюро. Приведите с собой вашего русского гостя. И в полицию надо все-таки сообщить. Искать они не станут, но зато, если сам найдется, – вас проинформируют, что уже неплохо... До встречи.

Вадим с Соней переглянулись.

– Технически это не так уж сложно, – сказал Вадим. – Пошли к моей группе. Соберем идеи, у кого он может находиться, а адреса и телефоны найдем в студийной картотеке...

Когда они с Соней сделали список, его длина оказалась внушительной.

Они сели на телефоны.

К шести часам результаты были нулевыми: Арно никто не видел.

Глава 5

Реми слушал, наблюдая за своими посетителями, стараясь составить предварительное мнение о каждом из них. Вадим излагал свою часть истории витиевато, длинными сложными фразами, постоянно отвлекаясь от фактов; Пьер говорил без всякого выражения, короткими, точно сформулированными предложениями, словно финансовый отчет составлял, и усталый Реми с трудом подавлял зевоту под его монотонный голос; Соня сбивалась и путалась, растерянно поглядывая на детектива, и Реми отвечал ей ободряющим взглядом, а ее муж беспрестанно поправлял ее рассказ, вставляя уточнения назидательным голосом; Максим присоединился к их дуэту с тем непринужденным артистизмом, который быстро располагает к себе людей. Сразу видно – душа компании, любимчик женщин, уверенный в своем обаянии...

– И вы не представляете, – спросил Реми, выслушав все рассказы, – кто бы мог подделать голоса? У вас нет на примете мастеров этого жанра из окружения вашего папы?

– Нет, – покачала головой Соня, – не представляю...

– А вы, месье Арсен?

– Насколько мне известно, среди близких друзей Арно пародистов и имитаторов нет. Но при желании их нетрудно найти в Париже, Арно знаком со всеми. Кроме того, учитывая, что Максим не знал Сонин голос, а Соня – голос Максима, не было никакой необходимости искать имитаторов. Достаточно немножко актерского таланта, и даже неактерского – у меня вон даже дети так имитируют некоторых певцов и артистов, что их можно на сцену выпускать с эстрадными номерами...

Реми кивнул, соглашаясь с этим рассуждением, и снова перевел взгляд на Соню.

– Как вы договорились с вашим отцом, Соня? Пожалуйста, точно, слово в слово, если можете.

– Как... Что он приедет к нам сразу после съемок, только заедет домой переодеться, принять душ, и все. Он не знал, когда кончатся съемки, но рассчитывал приехать часам к четырем. С Вадимом он договорился, что уйдет сразу же после своей сцены.

– Вы ждали его дома?

– Да. Я пришла примерно в полчетвертого...

– Значит, утром вас не было дома?

– Нет.

– А где вы были, могу я полюбопытствовать?

– К чему эти вопросы? – вмешался Пьер. – Какое отношение они имеют к...

– Я просто хочу представить себе, как складывался день... – как можно простодушнее поторопился успокоить его Реми. – Для меня это важно – иметь некий образ ситуации... Так как вы провели утро, Соня?

– Я в магазины зашла... Потом в гольф-клуб... Там пообедала с приятельницами, в ресторане клуба. Вам нужно по часам расписать?

– Нет-нет, этого вполне достаточно. Если бы ваш отец вам звонил, например, и вас не застал?

– У нас автоответчик.

– А месье Дор имеет обыкновение оставлять послания на автоответчике? Не все люди, знаете, любят говорить с машиной. Некоторые вешают трубку, и все.

– Папа обычно оставляет. Он привык к микрофонам и прочей технике.

– Стало быть, не звонил.

– Нет.

– Спасибо. А вы, Пьер?

– Что я? – угрюмо спросил последний.

– Вас ведь не было дома в первой половине дня, не так ли?
– Кто вам сказал?
– Ваша жена.
– Я что-то не слышал, – буркнул Пьер.
– Если бы вы были дома в то утро, то мы не стали бы рассуждать об автоответчике, не так ли?

Соня улыбнулась, но Пьер остался непроницаемо-недружелюбен.

– Ну, не было меня дома, – ответил он, – так что?
– Ничего. А вы как провели утро?
– По антикварным ярмаркам прохаживался. Я... Мне... одну вещицу надо было найти.
– Ну и как, нашли?
– Нет пока.
– Сочувствую. А вернулись вы в котором часу?
– Не знаю точно, после пяти... Я обещал Соне быть не позже половины пятого, но застрял в пробках... Ты не помнишь, – обернулся он к жене, – в котором часу я пришел?

– Уже после звонка русского, после пяти, в полшестого...

– Спасибо. А как вы договорились с Арно, Вадим?

– Арно просил меня закончить все его сцены... Я и так собирался начать с него, так что проблем с этим не было. Он сказал, что очень торопится, чтобы успеть съездить к дочери и вернуться к ужину домой, чтобы провести вечер с Максимом... Машину он поставил на обочине шоссе, чтобы выйти к ней через лес, сзади нашей природы, так как иначе он бы попал в кадр и помешал бы мне продолжать съемки... Он знает, что я этого не люблю. Или он был бы вынужден ждать за домом, а вот ждать он как раз не хотел...

– Значит, он ушел со съемочной площадки так, что его никто не видел?

– Ну да.

– А вы уверены, что он оттуда ушел?

У Вадима брови поползли вверх. У Сони тревожно расширились глаза.

– Что вы хотите сказать, – спросил Вадим, – что он мог не уйти? Остаться там? За домом? Зачем?

– Мало ли, вдруг сердечный приступ.

– Нет, – покачал головой Вадим, – мы убрали технику, мы бы его увидели...

– Я видел, как он уходил, – сообщил Максим.

– Каким образом?

– Я в этот момент отошел... И видел, как он уходил среди деревьев.

– Куда вы отошли?

– Пописать, – насмешливо произнес Максим. – Имею право, а?

Реми не стал вдаваться в дискуссию о правах человека. Он устал. Позади полный рабочий день, и голова была несвежей. Он был раздражен, и чувство юмора, как он сам говорил в таких случаях, «подало на развод».

– Который был час?

– Понятия не имею, – бросил Максим.

Похоже, что Максим и Реми раздражали друг друга. Так бывало почти всегда: сначала люди обращаются за помощью, а потом злятся и кидаются на него – не любят, когда им задают вопросы...

– Без десяти три, – подал голос Вадим. – Без десяти три у меня началась следующая сцена с актрисой, уже без его участия.

– Месье Дор на съемках не был встревожен, задумчив, необычен?

– Нет, скорее наоборот. Ни за что бы не сказал, что у него что-то на душе или что-то на уме.

– Вам не показалось, что он блефует, когда обещал вернуться к ужину?

– Нет, – в один голос заявили Максим и Вадим.

– А вообще его беспокоило что-нибудь последнее время? Он был озабочен чем-нибудь?

Планировал какие-то важные дела? Встречи? Разговоры?

Реми заметил, что Пьер бросил быстрый взгляд на Соню. Соня замялась.

– Нет... Папа был в хорошем настроении, веселый, он был очень доволен, что снимается... Я не думаю, что его что-то тяготило.

– Я тоже так не думаю, – подтвердил Вадим. – Роль у него получалась великолепно, он был горд.

– Я бы даже сказал – сиял, – вступил Максим. – Он много лет не снимался, и с этой ролью благодаря Вадиму у него наступил в жизни счастливый период.

– И к тому же он был невероятно рад приезду Максима, – добавил Вадим.

– Это была ваша первая родственная встреча? Вы никак до этого не общались?

– Я получил несколько писем от дяди... И я ему тоже написал несколько писем. И потом мы раза три-четыре созвонились.

– На какую тему?

– Это имеет отношение к его исчезновению?

– Не знаю. Когда вы мне расскажете, я подумаю.

Максим пожал плечами:

– В основном мы обменивались рассказами об историях семей, кто что знает. Хотели при встрече соединить всю информацию и восстановить белые пятна... Даже написать, может быть... Дядя был очень увлечен этой идеей, для него история рода имеет огромное значение, я даже был удивлен его энтузиазмом... Для меня, конечно, тоже, но у меня есть для этого свои причины: я вообще ничего не знал о своих предках, все это было открытием последних лет. Потом мы обсуждали мой приезд, договаривались о встрече...

– Значит, можно сказать, что он вас ждал с нетерпением?

– Можно сказать.

– И учитывая все это, вы все же полагаете, что он запил?

– Если вы хотите сказать, что он променял новый поворот в своей жизни на запой, – попытожил Пьер, – то, конечно, нет. Сознательно он бы этого не сделал никогда. Но он мог не удержаться и на радостях хлебнуть немножко. А потом все пошло-пекатилось. Вы ведь знаете хронических алкоголиков – достаточно одного глотка, чтобы начать.

– Арно держал алкоголь в квартире?

– Мне говорил, что нет, – сказала Соня. – Но это не означает, что так и было. Он мог купить для кого-то из гостей, для Максима, например...

– Вы не видели, Максим, каких-нибудь следов алкоголя – бутылку, рюмку, стакан?

– Нет. Все было чисто. Ни в мойке, ни на столах ничего не стояло. Я еще подумал – опрятность особая, мужская...

– Он был рад приезду Максима, как вы все утверждаете. Почему же в таком случае он непременно хотел поехать к вам, Соня, именно в эту субботу? Разве нельзя было отложить на другой день? Была какая-то срочность?

– Срочность? – растерялась Соня. – Нет, срочности не было... Он у нас просто давно не был... У нас такая традиция, папа всегда приезжал по субботам, он называл это «родительским днем». А из-за съемок он пропустил несколько суббот...

– Понятно, – сказал Реми. Что-то стояло за этой растерянностью и короткими переглядами с мужем, но Реми пока не хотел нажимать. Если не желают говорить, то наверняка и не скажут, тем более при посторонних. Странная пара, красавица и чудовище, избалованная женщина-девочка с маленьким, бесплотным и страшно сексапильным телом – и немолодой сухарь, у которого, кажется, никогда не возникает никаких эмоций... И при всем при том между ними

проскальзывает некое сообщничество, хотя с виду гроша ломаного не дашь за этот супружеский союз, так и хочется сказать: богач купил себе красивую игрушку-жену...

– Он богат?

– Что? – переспросила Соня.

– Богат ли ваш отец?

– Нет... – удивленно ответила Соня. – Не бедствует, конечно, но... Он ведь практически не работал почти десять лет...

– А ценности у него есть?

Соня кинула неуверенный взгляд на мужа. Еще одно очко, подумал Реми.

– Ничего такого, чтобы... – начал Пьер. – А почему вы спрашиваете?

– А вы – богаты?

Реми уже справился о положении Пьера, и ему было хорошо известно, что он имеет дело с владельцем одной из самых крупных коллекций антиквариата, но он не хотел выдавать своей осведомленности.

– Да... достаточно. Почему...

– Не исключено, что позвонят и потребуют выкуп.

Соня тихо охнула.

– То есть это не розыгрыш? – уточнил Пьер.

– Нет. Я, во всяком случае, так не думаю.

– Если это не розыгрыш, организованный Арно, если это похищение, кто же тогда звонил Соне и Максиму? – спросил Вадим. – Похитители?

– Не знаю. Будем думать. Искать.

– В любом случае это был человек, знакомый с Соней, – напомнил Максим.

– Как я понимаю, это нетрудно, учитывая светскую жизнь месье Дора. Он ведь часто появляется с вами, Соня, на людях?

– Довольно часто... Особенно когда Пьер в разъездах.

– Так что многие вас видели, многие вас слышали. У вас интонация особенная, такая, немного... детская; легко запоминается.

– Я все-таки не понял, а почему вы, собственно, пришли к заключению, что его похитили? – спросил Пьер.

– Ну, это не заключение, а предположение покамест... Если, как вы утверждаете, его запой мог случиться только нечаянно, по его собственной неосмотрительности, «на радостях», то все остальное слишком хитроумно и затейливо обставлено для такого непредвиденного зароя.

– Кто знает... Он ведь всегда любил и умел разыгрывать, – задумчиво произнес Вадим. – Ему не надо было долго думать, чтобы найти решение...

– Кроме того, человек, в жизни которого произошли такие важные события – роль в фильме и долгожданный приезд родственника, – человек, который полон планов на субботу и торопится их осуществить, не стал бы глотать алкоголь на ходу...

– Но тогда уже бы позвонили, – возразил Пьер. – С требованием выкупа, я имею в виду.

– Бывает, что звонят не сразу... Кроме того, дело, может, и не в выкупе... Скажите, Вадим, у вас были другие претенденты на роль, которую вы отдали месье Дору?

– Нет. Я сразу решил, что это будет Арно. И если бы и были эти претенденты, они бы приняли меры давно, до съемок или в самом начале. Сейчас-то какой смысл?

– А лично у вас – у вас есть конкуренты, способные на все, чтобы сорвать ваш фильм?

– Сорвать мой фильм? Похитив исполнителя главной роли? Нет, не думаю... Есть люди, которые меня не любят, есть люди, которые со мной соперничают, мне завидуют, но чтобы сорвать мой фильм...

– Все же подумайте. Повспоминайте разговоры вокруг этого проекта... Реакции, слова, взгляды. Если всплывет что-то интересное, скажите мне.

Реми оглядел сидящих перед ним людей. Максим был хмур, Вадим растерян, Пьер непроницаем. Одна Соня выражала естественные, с точки зрения Реми, в данной ситуации чувства: она была встревожена и печальна. Ее глаза потемнели, лицо было бледным и осунувшимся, ее жесты были нервны и угловаты.

– Такой еще вопрос... – осторожно произнес он. – Кто мог желать смерти месье Дора? Кто мог быть в ней заинтересован?..

Соня дернулась, как от удара, и устремила свои темные глаза на Реми.

«Удивительно, они меняли цвет, как драгоценные камни в перепадах освещения... – не к месту залюбовался Реми. – Она, конечно, манерна и совершенно не в моем вкусе, но, надо признать, в ней есть своеобразный шарм...»

Максим тоже не мог оторвать взгляд от Сони. «Переигрывает, – думал он, сопротивляясь ее обаянию. – Домашний театр».

– Никто, – сказал Пьер.

– Не представляю, – Вадим пожал плечами.

– Папу все любили... – сказала тихо Соня и опустила глаза. На ее ресницах замерла единственная слеза. Повисела и капнула на щеку. Пьер потянулся к своей жене и участливо вытер мокрое пятнышко.

Максиму это было неприятно. Когда он был в дурном расположении духа, то начинал видеть мир критическим режиссерским взглядом, и тогда женские чары, адресованные Максиму-мужчине, втуне падали на бесплодную почву восприятия Максима-режиссера. И вот теперь его не отпускало чувство, что он подрядился участвовать в мелодраме.

– Месье Дору никто не угрожал? Не было ли писем, звонков?

Вадим взглянул на Соню и Пьера. Соня ответила ему вопросительным взглядом, не понимая.

– Есть один человек... – сказал Вадим, глядя на Соню, – который угрожал...

– Вряд ли это стоит принимать в расчет, – вмешался Пьер, – это старая история, и потом, это человек спившийся, и он сам не знает, что говорит, когда напьется.

– Позвольте мне судить, принимать или нет в расчет старые истории, – осадил его Реми. – Пока я хочу ее услышать.

Некоторое время Вадим и Соня переглядывались, и наконец Соня кивнула, пожав плечами, что должно было, видимо, означать: ты начал, ты и рассказывай.

– Дело давно было. Больше десяти лет назад, – заговорил Вадим. – Приблудилась к Арно девочка шестнадцати лет – дочь его старого друга... Был у него друг, Ксавье, тоже актер, они вместе начинали, только у Ксавье особых талантов не обнаружилось и, соответственно, перспективы тоже. Арно сразу пошел в гору, а Ксавье так и остался в эпизодах. Неудачник, одним словом. А это, знаете, вроде ампула в жизни – и все фатально развивается по законам жанра: раненое самолюбие, комплексы, безденежье. Семейная жизнь тоже не заладилась, начал пить. Арно-то не пил тогда... Но дружить они продолжали. Вот, и дочь Ксавье, Мадлен, ухитрилась влюбиться в Арно. Чем-то он, сам того не ведая, сумел покорить девочку – впрочем, с его обаянием это нетрудно... И в один прекрасный день она заявила к нему с чемоданом: я вас люблю, не прогоняйте! Он тогда жил один, Соня уже успела замуж выскочить...

История, которую рассказывал Вадим, добавляла красок к портрету дяди, но сам по себе жанр Лолиты не интересовал Максима, лично он бы не стал делать фильм по такому сценарию. Куда больше его интересовала Соня, и он украдкой поглядывал на нее.

Соня достала из сумки удлиненную плоскую коробочку, перламутрово-белую с золотым, похожую на футлярчик с драгоценностями. Максим даже не сразу понял, что это портсигар, а когда сообразил, то затаился в любопытном предчувствии: сейчас она вытащит сигарету,

конечно же длинную, и закурит, манерно и томно откидывая тонкую кисть в сторону, и золотые браслеты заскользят по смуглому запястью...

Длинная сигарета – он был прав, длинная – замерла в тонких пальцах. Максим ждал. Соня долго ее не зажигала, слушая историю Мадлен в пересказе Вадима, и наконец прикурила... конечно же, манерно и томно откидывая тонкую кисть в сторону, тряхнув тяжелыми браслетами на смуглом запястье; конечно же, изящно выпуская дым тонкой струйкой и глядя прямо перед собой. Максим улыбнулся своим режиссерским наблюдениям. Что-то забавное было в этом, на первый взгляд нелепом, сочетании стилей: актриса-травести, играющая мальчика-сиротку, и девочка-подросток, играющая роковую женщину... Женщина, играющая роль ребенка, и ребенок, играющий роль женщины. Что-то было трогательное в этой неумелости спрятать непосредственную рожицу ребенка за непроницаемой маской дивы...

Максим почувствовал, что превращается в теплую, истомившуюся на солнце летнюю лужу, и, наскоро напомнив себе, что это чужая жена, и что все женщины – актрисы, и что не ему поддаваться их маленьким играм и покупаться на их маленькие уловки, стал вникать в упущенный разговор.

– Арно давно овдовел, – говорил тем временем Вадим. – Соня была еще маленькая. Он ее практически один вырастил, так и не женился... Так что жил он один. Ему тогда уже пятьдесят было, с хвостиком даже. Пятьдесят и шестнадцать! Он ей говорит: что ты, милая, я тебе не то что в отцы, в дедушки гожусь! А она – люблю, да и только! Ксавье приезжал, забирал, она снова сбегала. Ну, любовь – не любовь, кто знает... Дома ей было плохо. Ксавье пил, нищета, скандалы, стал жену и дочь бить. Не то чтобы уж прямо побои, но все же... А у Арно красиво, элегантно, вкусно. Манеры аристократа. К тому же у него доброе сердце, и этот несчастный котенок совершенно безошибочно учуял, кто его может накормить и приласкать. Короче, вбила она себе в голову, что это любовь. Арно пытался отправить ее домой, Ксавье скандалил, Мадлен впадала в истерику при слове «домой» и «родители», Париж сплетничал и развлекался. Я тоже пытался как-то уладить ситуацию – пробовал поговорить с Ксавье, объяснить ему, что нельзя создавать такую атмосферу в семье: его вина, что ребенок не хочет с ним жить; Соня приезжала, пыталась Мадлен убедить...

Как вдруг, после месяца бесплодных усилий отправить ее к родителям, к общему удивлению и негодованию «общественности», Арно позволил ей жить у себя. Что там у них было и как – никто не знает. Но только пока он ее прогонял – это была пикантная история, придававшая ему в глазах света имидж стареющего Казановы. А как перестал прогонять – вспыхнул скандал. Его обвиняли в безнравственности, в совращении малолетних...

– Я пыталась выяснить, какой род отношений установился между ними... – вмешалась Соня. – Вы понимаете, что я хочу сказать... – Она нервно сбила пепел с сигареты мимо пепельницы.

Максим запомнил этот жест. Как и любой режиссер, он был коллекционером жестов и прочих поведенческих ухищрений, особенно женских (просто потому, что мужчинам они менее свойственны). Но себя Максим считал крупным коллекционером, и не без оснований – его коллекция была обширной не только в силу его наблюдательности, но и благодаря личному опыту, прямо скажем, немалому. В его коллекции водились жесты и уловки весьма оригинальные и необычные. Вот, например, шляпка. Не какая-то там шляпка из модного журнала, а, напротив, чудовищный темно-зеленый фетровый горшочек, который не вписывался ни в какую нынешнюю и даже прошлую моду, с двумя малиновыми вишенками на нем... Он еле скрыл улыбку, столкнувшись с ней на открытии одной выставки, где «шляпка» выставила свои картины, и даже протиснулся поближе, чтобы увидеть, откуда взялось такое чудо среди изысканных модниц... И увидел. Через минуту он уже забыл о шляпке, разглядев под ней два необычно светлых и прозрачных голубых глаза, обведенных четким контуром очень черных ресниц. Две тающие льдинки, которые, как позже понял Максим, не растаивали никогда. Через

полчаса шляпка начала ему нравиться... Потом, через пару недель, когда они стали появляться вместе, Максим от души забавлялся, наблюдая, как, прикованные вызывающей нелепостью шляпки, с готовой ироничной улыбкой на губах с ней знакомились мужчины и как замирали, пронзенные очень светло-голубыми ледяными глазами... Словно ночные бабочки, летящие на приманку-шляпку и заканчивающие свой любопытный полет на острой булавке ее взгляда, безнадежно подергивая крылышками...

Соня прикрыла глаза:

– Но я так и не сумела добиться ответа. Мадлен заперлась в спальне и повторяла мне через дверь, что домой она не вернется, и что она любит Арно, и имеет на это право, и это право никто у нее не отнимет. И что это не мое дело, так как я дочь Арно, а не жена... – Соня немного улыбнулась воспоминаниям. – А папа юлил и хитрил и так и не ответил на мои прямые вопросы... Все мои попытки его образумить ни к чему не привели.

– А мать этой Мадлен что, не вмешивалась? – спросил Реми.

– Сначала – нет: предоставила «друзьям» разбираться, – ответил Вадим. – Потом наконец вмешалась и, представьте, преуспела. После разговора с ней Арно дал деньги, чтобы девочку отправили в частный пансион... Я подробностей не знаю, да и не пытался узнать – не мое дело, – но мне кажется, что Арно ее действительно полюбил... Во всяком случае, после этой истории Арно и запил. Стал отказываться сниматься, а когда и соглашался, то срывал съемки запоями. Естественно, потом и звать перестали...

– Так ты поэтому боялся дать ему читать сценарий? – догадался Максим.

– Именно. Это и есть история «в некотором роде из его жизни».

– А что теперь с той девочкой, Мадлен? – вернул их к делу Реми.

– У нее все в порядке. Она уже замужем, дети. Приходит иногда к Арно, вроде как к родственнику, по-семейному, с мужем, с детьми. Я думаю, Арно продолжает ее немножко опекать материально, делает подарки ее детям. Все благопристойно и очень мило.

– Вас это не раздражает? – Реми устремил взгляд на Соню.

– Почему это должно было меня раздражать?

– Ну, дочерняя ревность, знаете...

– Боже сохрани. Я давно уже вышла из возраста, в котором уместны подобные чувства. Я папу понимала. Он с самого начала чувствовал себя ответственным за ее судьбу...

– Значит, это Ксавье угрожал Арно?

– Да, – ответил Вадим. – С тех самых пор Ксавье не разговаривает с Арно на трезвую голову, а спьяну нарывается на скандал и кричит, что тот у него украл и совратил дочь. Многие слышали, что он грозился отомстить совратителю и похитителю его дочери.

– Он грозился его убить?

– Бывало. Иногда он кричал, что Дорана бог покарает, иногда, наоборот, что он сам его покарает, что возмездие его настигнет и так далее.

– Соня, вы бы узнали голос Ксавье по телефону?

– Не знаю... Наверное.

– Это не он звонил вам под видом Максима?

– Не думаю. Даже если тот, кто звонил, изменил голос, то все равно у него совсем другой тембр. Такой немного скрипучий. А у того, кто звонил, – бархатный, вкрадчивый.

– Это совсем нетрудно сделать на самом деле, – заметил Максим, – бархатный тембр с глубокими модуляциями. Это почти не зависит от исходного голоса. Пожалуйста: «Здравствуйте, Соня»... – изобразил он «бархатный баритон». – Видите разницу? А в обычной жизни у меня голос и выше, и не бархатный.

– Так это вы звонили! – Соня вскочила со стула, уронив сумочку с колен. – Это его голос! – крикнула она Реми.

– Соня, я всего лишь только хотел показать, что приятный глубокий баритон нетрудно подделать. На это способна по меньшей мере половина мужчин!

– Здравствуйте, Соня, – произнес Вадим «бархатным баритоном» в поддержку Максиму. Соня устала на него.

– Ну, ты не будешь говорить, что это я тебе звонил, а, Сонечка? – усмехнулся Вадим. – Максим прав, этот голос очень легко подделать, и добрая доля моих приятелей, особенно среди актеров, только так и разговаривает с женщинами.

Реми, внимательно наблюдавший за этими маленькими актерскими этюдами, успокаивающим жестом попросил Соню сесть на место. Соня растерянно опустила на стул, и Пьер утопил ее маленькую ладонь в своей и накрыл сверху другой.

– Я полагаю, – заговорил детектив, – что надо учитывать мнение компетентных специалистов в области речевой техники. Вы все же не ответили на мой вопрос: мог ли это быть голос Ксавье?

– Ну, знаете... Если любой может разговаривать таким голосом... Тогда я ничего не знаю.

– А мать девочки жива? Как она к этому относится?

– Не знаю, – покачала головой Соня. – Она вскоре разошлась с Ксавье.

– Мадлен живет отдельно?

– Да, с мужем. У них двое детей, близнецы. Но она навещает своего отца. Папа мне как-то говорил, что Мадлен – единственный человек, который заботится о Ксавье, несмотря на его пьянки и бесконечные к ней претензии. Она приходит его навестить, убрать, приготовить еду, а он ей устраивает скандалы. Папа говорит, что Мадлен святая.

– Мне нужен адрес Ксавье и Мадлен.

– Ксавье я вам найду в студийной картотеке, – отозвался Вадим, – а Мадлен... Не знаю.

– Я тоже не знаю адреса Мадлен, – сказала Соня.

– Ладно, – сказал Реми. – Возможно, я его найду в записной книжке Арно. А пока я все же принимаю за рабочую гипотезу похищение. Если я не прав и это все-таки розыгрыш, то он сам найдется, жив и здоров, и скоро. Но ждать не будем; если я прав – то он в опасности. Пьер, я пришлю к вам специалиста, он подключит технику к телефону. Если будет звонок от вымогателей, под любыми предложениями попытайтесь их заставить перезвонить часа через полтора и немедленно вызывайте меня и полицию. Попытаемся засечь звонок. Больше в этом случае нам пока ничего делать не надо. Мы вряд ли сумеем найти похитителей до их звонка, они могли захватить Арно даже по дороге со съемок... Кто-нибудь видел, как он уезжал?

– Я заметил, что его машины нет на том месте, где он ее припарковал перед съемками, – отозвался Вадим.

– Хорошо... Его машину я попробую разыскать.

– Как? – спросил Пьер.

– Если она где-то на частной стоянке, то шансов мало, но если месье Дор, как вы предполагаете, был нетрезв за рулем или если она брошена в неожиданном месте, платеж за стоянку просрочен – то я смогу получить нужные справки в жандармерии. А пока я хотел бы осмотреть квартиру месье Дора.

– Зачем? – холодно поинтересовался Пьер.

– Я вам скажу, зачем, – четко проговорил детектив. – Если сочту нужным. И когда сочту нужным. У меня нет шефа, перед которым я *должен* отчитываться в процессе моей работы. А перед клиентами я отчитываюсь в результате. Я ясно выразился?

Вадим закивал и укоризненно посмотрел на Пьера. Тот высокомерно хмыкнул.

– Скажите, Максим, – Реми смягчил тон, – если я вас правильно понял, в момент вашего появления в квартире месье Дора был порядок, и, следовательно, не было ничего такого, что могло бы указывать на происходившую борьбу?

– Ничего такого. Порядок был идеальный.

– Я тоже могу засвидетельствовать, что следов борьбы в квартире не было. Я ведь вошел вместе с Максимом, – напомнил Вадим.

– Да-да, я помню... Значит, ни сдвинутой мебели, ни разбитой посуды, ни открытых ящиков, разбросанных вещей...

– Нет.

– Понятно. Итак, на данный момент картина складывается такая: месье Дор уехал со съемок примерно в три часа – это единственный установленный факт. Далее мы можем только сказать, что до дома своей дочери он не доехал. В какой момент он свернул с дороги – до или после заезда на свою квартиру, – мы не знаем. И самое главное, мы не знаем – почему. Планировалась ли у него какая-то встреча? Или его подстерегли по дороге и заманили в ловушку?.. Отсюда следуют вопросы: кто знал его планы на эту субботу и кто разыграл вас по телефону...

– Все, – сказал Вадим. – Я не удивлюсь, если планы Арно на субботу знал весь Париж и даже вся Франция.

Реми задумчиво покивал.

– И вот еще что... У месье Дорана есть женщина?

– Не могу сказать. – Соня виновато посмотрела на него, качая отрицательно головой. – Я в личную жизнь папы не вмешиваюсь. Мне как-то казалось, что есть, но кто, где и есть ли на данный момент – не знаю.

– А кто у него убирает? – поинтересовался Реми. – Кто ему готовит?

– У него убирает соседка, пожилая женщина, большая его поклонница. А обедает он все больше в ресторанах... Иногда сам себе готовит, когда есть настроение, он готовить умеет, даже любит...

– Соседка... С нее я и начну. Вместе с осмотром квартиры. Прямо сейчас. Кто-нибудь туда едет?

– Я, – сказал Максим. – Я ведь там живу.

– Да-да... Кофе мне сделаете?

– Нет, – сурово ответил ему Максим и тут же улыбнулся: – Я плохо делаю кофе. Чай, если хотите. Или сами сделаете ваш кофе. Идет?

– Идет, – вздохнул Реми. Конца рабочему дню не предвиделось.

Глава 6

– Посмотрите, в квартире все так же, как вы оставили? – сказал Реми, удерживая Максима на пороге.

– Так же, – ответил удивленный Максим. – Почему вы спрашиваете?

– Кто-нибудь мог приходиться в ваше отсутствие.

– Кто, зачем?

– Месье Дор, например. Если он действительно от вас всех прячется. Во что я, впрочем, не верю.

– Во всяком случае, все, кажется, на местах.

Реми быстро запустил кофеварку и бегло оглядел кухню. Идея пить кофе натощак – и уж который кофе за день! – ему совсем не улыбалась. Интересно, сообразит ли этот русский предложить ему хотя бы парочку бисквитов? Был бы это его русский друг и, кстати, тоже частный детектив Кис, он бы тут же накрыл свой варварский ужин, состоящий из колбасы вперемешку с сыром... Но его сомнения разрешились сами собой. Русский уловил то ли его мысли, то ли бурчание в его животе, то ли Максим сам проголодался, но распахнул холодильник и, обозревая в размышлении его холодную утробу, спросил:

– Не хотите ли перекусить?

Максим быстро выволок на стол несколько маленьких сверточков: колбаса, сосиски, сыр – все, что он купил сегодня, выбирая в магазине наиболее привычные наименования. Он нарезал хлеб и развернул сверточки, вооружив Реми ножом и предложив ему употребить то, что нравится. Ну что ж, Реми уже ничем не удивишь, и он лишь слегка покачал головой, увидев, как Максим жирно намазывает на кусок французского батона бри⁷ и кладет поверх чесночную колбасу. Реми ловко соорудил себе два разных бутерброда, один с сыром, другой с колбасой, и уселся напротив Максима за маленький откидной кухонный столик. Максим налил по полстакана красного вина, и они быстро умяли бутерброды, поглядывая друг на друга с набитыми ртами, не в силах что-нибудь произнести. Дожевав последний кусок, Максим дружески улыбнулся Реми и, достав из шкафчика кофейные чашки, понес их в гостиную. Изобразив на своем лице нечто обозначающее ответную дружескую улыбку, Реми последовал за ним с кофейником. Расположившись за низким столиком, они пили горячий, душистый и не на шутку крепкий кофе, приготовленный детективом. Молчание затягивалось. Максим поглядывал на Реми с любопытством: он пока еще такую дичь – французского частного детектива – живьем не видел, а в киношном хозяйстве все пригодится.

Впрочем, надо отдать должное, Максим вообще был к людям участлив и любопытен. Собственно, может, поэтому его повело в кино. Исследовать характеры и заглядывать в потаенные уголки души, как пишут критики.

Реми разглядывал гостиную, прикидывая, с чего начать осмотр. Что он искал – он не знал. Что-нибудь, что может дать подсказку. Записку, адрес, пометку, вещичку...

– Я могу быть вам полезен? – спросил Максим.

Реми наконец остановил свой взгляд на русском.

– Если хотите.

– С чего начнем?

– Сейчас разберемся... Вы не видели, где месье Дор держит свои бумаги?

– Признаться, нет. Я не...

⁷ Бри – сорт мягкого сыра. Во Франции сыр подается после основного горячего блюда, перед десертом. Обычно это «плато» с несколькими сортами сыра, который едят с хлебом или без, запивая вином, преимущественно красным. Это своего рода ритуал, по которому судят об уровне хозяев.

Максим хотел сказать: «Я не шарю по чужим ящикам, меня еще в детстве научили, что это неприлично», но удержался от ненужной колкости и закончил:

– ...не подумал, что нужно поискать его бумаги.

Реми бросил на Максима косой взгляд, будто услышал непродуманную фразу, и начал обходить гостиную, перебирая и рассматривая различные безделушки, стоявшие на буфете и на полках, – подарки, призы, сувениры, привезенные из поездок...

– Здесь все ваши вещи? – донесся спустя некоторое время его голос из комнаты, которую занимал Максим.

– Да, – сказал, входя в комнату, Максим. – Только на верхней полке шкафа какие-то коробки, я в них не заглядывал.

Реми заглянул. Там было несколько пар обуви, лыжные ботинки, толстые шерстяные носки и прочая горнолыжная атрибутика; в последней коробке находилось несколько пар перчаток. Ничем особенно не заинтересовавшись, Реми деликатно, но внимательно осмотрел остальное пространство шкафа, частично занятое вещами Максима, перешел к кровати, pokrutil в руках книжку с русским названием, которая лежала на тумбочке у изголовья, и то ли спросил, то ли констатировал:

– Детективы любите...

– Люблю, когда время есть. Меня это разряжает, – ответил Максим.

– Это хорошо...

Что тут особенно было хорошего, Максим не понял.

– А вы по-русски читаете? – спросил он.

– А разве тут надо что-либо читать? – удивился глупому вопросу Реми.

Вопрос и впрямь был глупый: красочная и безвкусная обложка с пистолетом и полуодетой девицей говорила сама за себя.

Сунув свой нос на прощание в тумбочку, Реми направился в спальню Арно.

– Как был одет ваш дядя, когда уходил со съемок?

– На нем была спортивная куртка. Темно-синяя в сочетании с малиновым.

– Что еще?

– Я не разглядел среди деревьев. Видимо, он ушел в том костюме, в котором снимался. Старые черные брюки и рваный серый свитер на голое тело... Должно быть, он собирался переодеться и разгримироваться дома.

– Когда вы пришли, вы видели где-нибудь эту одежду?

– Вот это да... Как же я об этом не подумал! Одежды не было!

Реми переворочил вещи в шкафу Арно, затем изучил содержимое корзины для грязного белья в ванной, вешалки в прихожей.

– И похоже, что нет, – сообщил он Максиму. – Ни куртки, ни костюма, в котором он снимался.

– Значит, – сказал Максим, – он не приходил домой. Иначе бы он переоделся.

– То-то и оно.

– Он мог переодеться и даже разгримироваться в машине. Я, например, в машине даже бреюсь иногда. Или он мог переодеться в том месте, куда он поехал.

– Или куда его отвезли, – попыток Реми. – Надо узнать, в какой одежде он на съемки приезжал и где она находится.

Реми набрал номер Вадима и задал вопрос. Вадим обещал выяснить и перезвонить, так как сам он не видел – они с Максимом подъехали в тот момент, когда Арно уже сменил свою одежду на полагающийся по роли костюм.

– Что значит «разгримироваться»? – спросил Реми.

– Снять грим, – удивился Максим.

– Нет, я имею в виду – как грим снимают?

– Салфетками, ватными тампонами. Есть для этого всякие жидкости и кремы.

– Вы не видели эти салфетки или тампоны с остатками макияжа? – Реми заглянул в пустое мусорное ведро в ванной комнате.

– Нет, – дошло наконец до Максима. – Но, может, не заметил?

– Тогда, если допустить, что они здесь были, кто их выбросил? Никто не приходил убирать?

– Нет.

– Вы уверены? – Реми с сомнением разглядывал мусорное ведро, на этот раз кухонное, так же пустое и подозрительно чистое.

– Приходил! – вдруг воскликнул Максим. – В этом ведре был мусор, но мой мусор, никаких следов от макияжа... И я утром чашку оставил в мойке! И тарелку! А теперь их нет.

– В детективы вы не годитесь, – усмехнулся Реми. – Если к месье Дору приходит женщина убирать, то она непременно должна была прийти в понедельник, после выходных всегда есть работа... И значит, у нее есть ключи.

Закончив осмотр комнат, шкафов, карманов одежды и даже обуви, Реми вернулся в гостиную. Указав на библиотеку, Реми сказал Максиму:

– Смотрите на полках. Вы ищете листки бумаги, на которых что-то написано. От руки или на машинке, в конверте или без. Письма, записки, пометки. Вы ищете поверх книжек и между ними. В общем, вы поняли.

– Понял, – ответил Максим и принялся за работу.

Сам Реми занялся небольшим секретером, встроенным в книжные стеллажи. Он выудил оттуда пачки писем, среди которых были и письма от Максима, но отложил их в сторону, рассматривая в первую очередь маленькие листочки и бумажки и пытаясь найти записную книжку. Оба погрузились в работу, и прошел, наверное, час, прежде чем Реми спросил:

– У вас есть что-нибудь интересное?

Максим протянул ему свой улов: несколько конвертов с фотографиями, газетные вырезки, старый счет за электричество. На фотографиях по большей части была Соня, иногда сам Арно с Соней и Пьером. Несколько фотографий изображали незнакомую молодую женщину на пляже и где-то в горах, с длинными, выгоревшими на солнце волосами и серыми умными глазами. Ее нельзя было назвать красивой, но у нее была незаурядная, запоминающаяся внешность, выдававшая характер и волю. В кино такая ценится больше, чем «красивость»... Впрочем, смотря в каком кино. Почти на всех фото рядом с ней находились два мальчика-близнеца лет двух с половиной и иногда присутствовал мужчина, видимо, муж.

– Мадлен? – вопросительно произнес Реми.

– Наверное, – ответил Максим. – Я ее никогда не видел.

На обороте фотографий были комментарии типа: «Деревня Сен-Поль», «Каньон реки Вердон» – и даты этого лета. Фотографии Сони не были подписаны.

– А у вас? – спросил Максим.

Реми пожал плечами. Несколько открыток с видами от Сони из Италии и от Мадлен с юга; ежедневник с короткими нерегулярными записями, касающимися распписания съемок или встреч с врачом, массажистом или с Соней. Адресной книжки не было. Документов тоже. Ничего из того, что обычно носят при себе. Все это было у Арно, с Арно, там, где был он сам... Только вот где?

– А здесь что? – спросил Реми, указывая на туалетный столик.

– Ничего особенного... Я туда заглядывал из любопытства, – начал несколько смущенно Максим, – там очки, часы...

Но Реми уже открыл ящички. В одном из них он нашел старые часы на кожаном ремне, старые очки с болтающейся дужкой, золотую цепочку, мужской потемневший серебряный браслет, бирку «Эр Франс», какие-то разрозненные ключики...

Реми снова склонился над ежедневником и спустя пару минут указал ему пальцем на строчку: «Письмо Максиму». Запись была сделана дней за десять до приезда Максима.

– Вы не знаете, о чем речь?

Максим пожал плечами:

– Наверное, дядя сделал пометку, чтобы не забыть мне написать письмо?

– Вы получили перед отъездом от него письмо?

– Нет, – подумав, сказал Максим, – перед моим отъездом мы только созванивались. Все долгие разговоры отложили до встречи...

– Сколько идут письма в Москву?

– Недели три.

– Следовательно, ваш дядя вряд ли собирался вам отправлять письмо за десять дней до вашего приезда. Что же, по-вашему, Арно имел в виду под словами «письмо Максиму»?

– Не знаю. Может, он что-то хотел написать мне, но потом сообразил, что письмо не успеет дойти, и не написал?

Реми перелистал ежедневник за текущий год.

– Сколько вы получили писем с начала этого года от дяди?

– Три. Нет, кажется, четыре.

– Какие месяцы, помните?

– В сентябре, съемки у Вадима уже начались, он мне писал о начале работы; до этого в мае или июне, еще одно в начале весны... С Рождеством поздравление.

Реми листал ежедневник. Максим ждал.

– Нигде нет никаких пометок о письмах. Только одна-единственная, за десять дней до вашего приезда. Вы не находите это странным?

– Не знаю, не очень. А вы находите?

– Когда вы вошли в эту квартиру первый раз, здесь не было какого-либо письма, оставленного Арно на ваше имя?

– Вот вы о чем подумали... Нет. Не находил.

– Здесь ваши письма к месье Дору. Я могу их прочитать?

– Прошу вас. Там нет ничего интимного.

Реми погрузился в чтение писем. Максим понес кофейные чашки на кухню, вымыл, вытер, вернулся, сел напротив Реми, закурил сигарету...

– Значит, это ваше наследство, вот этот столик? О нем речь идет?

– Он самый...

– Месье Дор оформил свое завещание?

– Я не знаю. Дядя писал, что сделает мне на этот столик бумаги. Но сделал ли – не знаю.

– Но склонны думать, что сделал?

– Да нет... Не знаю. Дядя писал – вы ведь прочитали письма, – что хочет сделать к моему приезду. Но мы на эту тему не успели переговорить.

– Ни слова?

– Ни слова. Почему такой странный вопрос?

– Когда я в кабинете спросил, есть ли у месье Дора ценности, вы мне не ответили. Я делаю вывод, что вы считали, что данная ценность принадлежит уже вам, а не ему.

– Вы психолог... Скорее я предоставил родственникам право отвечать.

– И они ответили, что у Арно ценностей нет.

– Я слышал.

– Вы думаете, они знают, что Арно оформил бумаги на ваше владение столиком? И что за бумаги? Завещание? Дарственная?

– Понятия не имею.

– Если они тоже не знают, кому принадлежит столик, то почему промолчали?

– Откуда, по-вашему, я могу знать?
– Да это я так, сам с собой скорее... Вы промолчали, например, чтобы не заговаривать о наследстве. Где наследство – там интерес, мотив преступления, детективы все читают, все разбираются... Так ведь?

– Так, – усмехнулся Максим.

– Вот. А они – почему?

– Почему?

– Если Арно еще не оформил бумаги на столик – то это не ваше, а Сонино наследство. Поэтому она и ее муж промолчали. Собственно, по тем же причинам, что и вы. Дорогой он, интересно?

– Должно быть. Восемнадцатый век все-таки. Венецианская школа.

– Разбираетесь?

– Нет, дядя как-то говорил... Он у экспертов справлялся. Эти вот инкрустации розовым деревом, лакировка, медная ковка, что-то еще, не помню... Кроме того, он вроде как принадлежал русской императрице Екатерине Великой.

– Как же Соня упустила такую вещь? Они ведь с мужем коллекционируют антиквариат!

– Не она с мужем, а ее муж. Только я слышал, что Арно отказался ему продать, хотя Пьер просил. Арно говорил, что этот столик ему не принадлежит, что он только хранитель чужого имущества.

– То есть вашего имущества.

– Нашего. Русской ветви нашего рода.

– Неплохой повод для убийства, а? Пока месье Дор не написал свое завещание, убить его... И столик становится наследством Сони. А?

– Вы серьезно?

– Пока нет. Вы бы Соне поверили?

– В чем?

– Так, вообще... Что она говорит правду.

Максим удивился вопросу.

– Почему вы меня спрашиваете?

– Не знаю, так просто. Она такая... – Реми искал слова. – Необычная. Я с такими не встречался, не знаю, что и думать. Вы режиссер, должны разбираться в лицах... Разве нет?

– Совсем не обязательно.

– Я разочарован. Так поверили бы?

Максим взглянул на Реми, но так и не сумел понять, была ли в его вопросе ирония.

– Не поверил бы, – сказал Максим.

– Почему?

– Не знаю, поймете ли вы мой ответ.

– Попробуем.

– Соня – актриса.

– То есть?

Максим задумался. Изящная надломленность, неуловимая манерность... Что-то от эпохи немого кино. Хрупкая капризность, утонченность, декадентство, наивная и порочная улыбка... Нет, не порочная, не то слово, – бывалая, – нет, опять не то... Знающая, посвященная в тайны – вот, это ближе; жрица, священная змейка, магия, Древний Египет. Глаза темные, глубокие, непроницаемые; не выдают, не отвечают, втягивают и колдуют...

Реми смотрел на Максима внимательно. Максим запнулся:

– Э-э-э... Не профессиональная, конечно, а просто относится к типу играющих женщин... Короче, я бы на свой вопрос не стал от нее ждать ответа, на который можно положиться.

– Вот вы как... Разобрались. Интересно увидеть режиссерское мышление... Значит, актрисам вы не верите?

– Нет.

– Понятно. Но Соня знает, что отец собирался вам столик передать?

– Знает. Об этом пол-Парижа знает, насколько я могу судить. Вы в чем-то Соню подозреваете?

– Нет, – покачал головой Реми. – Пока нет. Надеюсь, и не буду.

– Что вы хотите сказать этим «надеюсь»?

– Было бы обидно, чтобы такая женщина оказалась преступницей. Арестовывать ее, в тюрьму, бр-р-р...

– Похоже, вы считаете, что Арно нет в живых.

– Я ничего не считаю. Все возможно, но чтобы считать, надо знать, а я пока ничего не знаю. Пока я вижу этот столик и пытаюсь примерить на него роль – выражаясь вашим языком – мотива для преступления.

Зазвонил телефон. Вадим.

– Арно переоделся в гримерной, и его вещи до сих пор находятся там. Он уехал в костюме, в котором снимался.

– Спасибо, месье Арсен.

Реми повесил трубку и повернулся к Максиму:

– Его вещи остались в гримерной... Так вот, надо узнать, сколько этот столик стоит. И надо узнать, существует ли завещание и что в нем написано. А то, может быть, преступник – это вы.

– Я?

– А почему нет?

– А почему да?

– Ну, к примеру, вы узнали, что столик вам завещан, и решили поскорее вступить в право владения...

Максим тревожно посмотрел на Реми. Шутит? Реми был, однако, непроницаем. Легкая ироничная улыбка бродила на его губах, но в ней было мало от дружеской шутки...

– Дикость какая-то!

– Вы мне признались, что не верите актрисам. А я вам взаимно признаюсь, что не верю режиссерам. Чем они лучше актрис?

– Как же, по-вашему, я мог убить дядю? Я ведь приехал в квартиру намного позже его, если он вообще сюда заезжал, между прочим. Вещей-то его мы не нашли, значит, он не заезжал. Иначе бы он переоделся. И разгримировался. Так что я не мог его даже увидеть!

– Кто знает.

– Вы же сами сказали!

– Мало ли, что я сказал. Я так подумал. А теперь, думаю, могло быть и по-другому: вы приехали, дядя спал. Выпил действительно на радостях, как предположил Пьер. Он спал, вы пришли, у вас было время его убить и тело спрятать. Вместе со всеми его вещами.

Максим растерялся.

– Но со мной был Вадим! Дяди не было в квартире!

– Вадим не заглядывал в спальню месье Дора.

– Да нет, вы сошли с ума! Вы... серьезно? Или вы меня разыгрываете? Как я мог? Как, по-вашему, я мог это сделать? Я уж не говорю – морально, вы это не понимаете, для вас все способны на преступление, каждый человек, но физически, чисто физически? У меня оружия нет, что вы думаете, я дядю ножом кухонным зарезал, или что!!! – Максим начал кричать.

– Задушили. Спящего и пьяного легко задушить.

– Боже! – взвыл Максим. – Боже мой, что вы несете? Что вы несете! Задушил и тело спрятал, так, по-вашему?

– Примерно. И позвонили Соне. А про ее звонок выдумали.

– И где тело?

– Не знаю.

– Куда же я мог спрятать? У меня даже машины нет!

– На дядиной машине и вывезли. Куда-то.

– Бред какой-то. Бред, бред, бред!

– Вы ночи дождались, – говорил раздумчиво Реми. – Тело могло спокойно полежать в шкафу до ночи. Когда Вадим ушел, вы его вынесли, положили в машину и... куда-то отвезли, спрятали и машину бросили.

Максим сидел, схватившись за голову, не в силах произнести ни звука. Наконец, после почти пятиминутного молчания, он распрямылся:

– У вас никаких доказательств. Все это ваши фантазии.

– Конечно, – сказал Реми, – это просто сценарий. Возможный сценарий. Для маленького фильма, в котором вы могли бы играть роль преступника. Но я еще не решил, подходите ли вы на эту роль.

– Сволочь, – сказал Максим по-русски и добавил по-французски: – Это злая шутка.

– Злая, – согласился покладисто Реми и довольно улыбнулся. – Хотите со мной к соседке заглянуть?

Покачивая головой и отдуваясь от пережитого шока, Максим поднялся и последовал за Реми.

Глава 7

– Я не убираю у месье Дора, вас неправильно информировали. К нему для этого пару раз в неделю приходит одна девчушка, студентка. А мне моих средств хватает на жизнь, – с некоторой обидой произнесла полная пожилая дама, тяжело усаживаясь в кресло. – Я пока еще не бедствую, – жестом, полным достоинства, указала она на свою гостиную, которая должна была, видимо, подтвердить ее слова.

Реми с Максимом уселись на диван, следуя глазами за жестом хозяйки. Тяжелая старая мебель, темная и глухая, повсюду множество сухих цветов и выставленной напоказ посуды, медной и серебряной. Посуда сияла – должно быть, хозяйка проводила свое время в протирании пыли и надраивании металлических боков.

– Я просто время от времени захожу к месье Дору в квартиру, когда он отсутствует. Чтобы проверить, все ли в порядке, чтобы впустить домработницу, чтобы цветы полить.

– У домработницы нет своих ключей?

– Нет. Я ей обычно открываю, если месье Дора нет дома.

– Она сегодня приходила?

– Конечно, она всегда приходит по понедельникам.

Старая облезлая собачка молча покрутилась у ног мужчин, обнюхивая их, и со вздохом улеглась возле ботинка Реми. Она, должно быть, доверяла своей хозяйке, считая, что раз уж та позволила людям войти в дом, то не стоит их облаивать и даже можно бесстрашно примоститься возле незнакомых ног.

– Я просто неправильно выразился, – мягко и почти нежно заговорил Реми, – я хотел сказать, мадам Вансан, что вы следите за порядком в квартире месье Дора.

– Так можно сказать, – величественно согласилась удовлетворенная мадам и вдруг встрепенулась: – Так что же случилось с месье Дором?

Ее глаза беспокойно заблестели, и крупная брошь с камнем, скреплявшая большой кружевной воротник на ее темно-синем платье, тревожно сверкнула красным огнем.

– Он пропал. Не спрашивайте меня, что и как, я не знаю. Я пока пытаюсь найти хоть какой-то возможный ход, направление, в котором можно вести его поиски...

– А я смотрю, вот уж несколько дней его что-то не видно... А он, оказывается, пропал!.. Хм. И что же вы об этом думаете?

– Я вам уже сказал, мадам Вансан, я пока ничего не думаю.

– Может, он снова запил? Запрятался куда-нибудь со своими приятелями? Такое с ним бывало, я могу вам это сказать. Раз – и исчезнет на несколько дней... Потом появится, виноватый: тут и домработница приходила, тут и почтальон меня беспокоил, и я, разумеется, беспокоилась... Не предупредит, ничего не скажет, исчезнет, – а я давай соображай сама, что цветы полить надо или еще что... Как-то холодильник потек, я мастера вызывала, а месье Дор только через четыре дня появился. Другой раз я продукты повыкидывала из его холодильника, все попортилось. Мари велела все вымыть внутри...

– Это домработница Мари?

– Да, студентка... Мари все вымыла, а я еще продуктов ему свежих накупила. Он, конечно, мне всегда деньги вернет, тут я спокойна... Я его вкусы-то знаю. Иногда ему готовлю даже, когда он неважно себя чувствует. Когда он нормальный, так он сам себе готовит или в ресторане обедает.

– И, как я вас понял, вы это делаете из дружеских чувств?

– А что вы, молодой человек, думаете? Мы здесь почти четверть века соседствуем, на одной площадке. Арно после смерти жены не хотел никуда переезжать... Теперь мы оба оди-

нокие старые люди... Как не помочь друг другу? И Арно тоже старается, как может, мне внимание оказать... Так что же вы хотите узнать?

– Меня интересует, есть ли у месье Дора женщина, с которой он состоит в близких отношениях.

– А я, по-вашему, должна знать?

– Вы заходите к нему часто. Могли видеть, кто приходит, кто уходит.

– Мадлен к нему ходит, Соня тоже, только редко. Он все больше к ним ездит, в Марлиле-Руа.

– Я об интимных отношениях спрашиваю.

Мадам Вансан замолчала, поправляя сухие цветы в вазочке на низком столике.

– Видела я какую-то, – наконец произнесла она. – Но ничего не знаю о ней.

– Какую? – оживился Реми. – Где видели, когда, часто?

– Не все сразу, молодой человек, – поморщилась хозяйка. – Видела несколько раз. Последний раз приходила относительно недавно, может, с неделю... Ходит довольно часто. То есть как часто: это я так думаю, что часто. Я видела сама несколько раз, так? А потом еще слышала. Слышала, что кто-то к нему приходил – лифт открывается, дверь его, голоса немножко слышно.

– То есть, – вкрадчиво подытожил Реми, – можно полагать, что у месье Дора были с этой женщиной интимные отношения...

– Полагайте, если хотите. Я говорю, что знаю. А полагать – не мое дело.

– Понятно-понятно, – заторопился избежать опасного поворота в область правил приличий Реми. – А как она выглядит, сказать можете?

– Молодая. Лет тридцати. Миловидная. С веснушками. Я видела мельком, мне неудобно было разглядывать. И не мое это дело, в личную жизнь месье Дора вмешиваться! – в голосе преданной соседки звучала ревность.

– Рыжая? – увел ее от эмоций Реми.

– Почему она должна быть рыжей?

– С веснушками.

– А... Может быть. На ней шляпка была, она всегда в шляпке. Наверное, рыжая. У нас ведь тут сумрачно на площадке, пока свет вспыхнет, пока у меня глаза привыкнут – девицы уж и нет. Так вроде бы пара светлых прядей из-под шляпки... Должно быть, рыжих.

– Одеты как?

– Последний раз я ее видела: шляпка, длинная юбка, жакет, ботинки на каблуках. То ли черное, то ли темно-синее, не поймешь. А в другой раз на ней было мини. Не помню, что еще, я на ноги глядела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.